

Варвары

Глава I, в которой только намекается на жестокость Крулла и коротко рассказывается о налете гильветов

1. Повествование относится ко 2-й половине I века до н.э.
2. Гельветы - кельтский народ, живший на территории нынешней Швейцарии (в Гельвеции). Когда одно из 4-х основных племен гильветов - тигурины - летом 58 г. до н.э. в битве при Бибракте весьма жестоко (даже по меркам того времени) победило куда более сильных и многочисленных эдуев, живших между Луарой и Соной, не оставив никого в живых, и двинулось на запад, представляя реальную опасность Риму, эдуи обратились за помощью к римскому наместнику; тот направил донесение Цезарю (102-44 гг. до н.э.), в Риме же ошибочно прочитали "гИльветы". После этого слово "гильветы" долгое время обозначало о-о-чень жестоких варваров вообще, без привязки к конкретному племени.
3. Крулл и Горр - наиболее известные мифологические персонажи варваров из древнеримского эпоса.

Даже бог войны Марс Копьеносец в жестокости безграничной своей не ведал,
Что столь кровавые и жестокие набеги варварские на римские лагеря возможны,
Но тогда лишь, как проводил их Крулл, вождь племенной гильветов ужасных.
Много таких набегов страшных было, об одном из них вам поведать хочу.
Узнал Крулл: в маленькую естественную гавань много римских галер зашли
Запасы еды и пресной воды пополнить - к концу, истощившись, уж подходили.
Галеры большие, нагружены тяжело, вода морская не достает до палубы чуть.
Хоть не знал Крулла шпион, какой груз римляне везут, решен был набег.
Однако помыслить не мог Крулл, что на галерах римских этих тяжелых.
Ожидал, рабов разных боги римские ему пошлют, но не таких, и столь много.
Но - рабынь две тысячи с лишком! Отборных рабынь, самых лучших из лучших.
На всех почти известных Империи товара живого аукционах их закупали.
Даже Венера Обольщающая не нашла б нигде во Вселенной никого прекрасней.
Самые чувственные женщины с фигурами отборными, самые красивые девочки,
Обучение длительное прошедшие в гаремах Востока лучших из лучших.
Во всей Империи великой, ее городах и колониях дальних чудеснее их не было.
На деньги бретанцев, Риму покорных, их закупили, туда направлялись галеры.
Сам венценосный Цезарь в месяц последующий должен был посетить острова,
Наместником недоволен был, в воровстве злом подозревал и мздоимстве.
К визиту наместник готовясь, рабынями теми императора умиловить хотел.
Слишком римские моряки медлительны и неповоротливы на суше оказались,
А охрана галер - малочисленна слишком и к сраженью с варварами не готова.
Мгновенно вырезаны римляне большей частью оказались, меньшей - пленены,
Как гильветы Крулла с гор в бухту ринулись на противника во внезапном набеге.
Это лишь самое начало истории длинной я рассказал из того, что хотел,
А теперь, с духом собравшись, к оргии гильветов живописанию приступаю,
Оргии жестокой и беспощадной, ибо репутация зверская воинов Крулла
Славилась не лишь среди варваров, крови не брезгающих, но и в Империи всей.

Глава II, в которой рассказывается о жестоких играх, заканчивающихся кастрацией и смертью пленных римлян

Большинство женщин плененных воины на галерах захваченных оставили,
Чтоб потом их использовать, как Крулл к тому разрешение даст свое,
А утро всё смертельным спортом с мужчинами римскими занимались,
Которым Громовержец Юпитер не позволил в сражении честно погибнуть.
Одно из соревнований было - два крепких нагих юноши друг против друга,
Кто лучше из них ногами биться умеет, рук не в праве, и не в силах применить.
А чтоб обмана в игре этой не было никакого, кулачного боя или борьбы,
Перед соревнованием жестоким руки им обоим около плеча самого отрубали.
Но дабы кровью быстро они не истекли, дабы развлечь воинов до конца,
Шнуром короткие обрубки им перевязали и крепко затянули, сколь могли.
Игра же проста была очень - каждый нагой соперник другого пленника бил
Меж ног со всей силы, сам от ударов соперника своего уклониться пытаясь.
Потому как коварно неправду им люди Крулла пред игрой сказали,
Что победитель невредимым в живых останется, а проигравший - без ног.
Невероятное зрелище - молодые римляне нагие с руками отрезанными
Пытаются тесстикулы разбить друг другу для завоевателей развлечения.
Еще удивительней посторонним - возбуждение бойцов поневоле.
От ударов своих и чужих, от криков зрителей, их окруживших,
Пенисы римлян напряглись, поднялись, встали почти вертикально,
Но не застыли, а качались из стороны в сторону при движении каждом.
Бойцы плакали открыто, слез своих не стесняясь, только с глаз стряхивая их,

Однако не мешало им это на соперника нападать, бывшего друга, В надежде боем прекрасным своим, и ударов точностью варваров поразить, Тем самым жизни остаток безрукой в награду от врага жестокого получить. Десяток пар обрубленных римлян молодых боролись одновременно На берегу залива, группами кричащих победителей окруженные. Но даже варваров грубые крики не могли агонии стонов заглушить, Когда поверженные бойцы с тестикулами расплюснутыми наземь падали. Боролись они жестоко и отважно, нанося ужасный вред сотоварищу, Но даже победителю в схватке той жизнь заслуженная не доставалась. Смертельный удар неожиданный в спину копьем острым и одному, и другому - Единственной наградой от гильветов было после боя для соперников обоих. Как всех бойцов безруких казнили, гильветы к новой забаве приступили, С простым очень и звучным названием "Копье и Шары". Длинные кожаные ремни по двадцать локтей для этой игры приготовили, А несколько пар римлян нагих с руками связанными спинами друг к другу поставили. Гениталии им накрепко перетянули, но по-разному стороне каждой. Тем, кто слева, ремнем этим пенис - "Копье" - под самым корнем завязали, А справа, петлей, - мешочек с тестикулами, под пенисом висящий - "Шары". Ремни же меж ног им пропустили и вместе попарно соединили крепко. По сигналу кнутами воловьими римлян по ягодицам и спине бить начинали, Чтобы заставить их как можно быстрее друг от друга бежать. А как на сорок локтей разбегались пленники испуганные, Ремень с хлопком натягивался и останавливал несчастных. Мгновенным рывком ремень гениталии римлянам отрывал одновременно, Один из них аккуратно кастрирован оказывался, но живой к несчастью, Другому больше везло - пенис с куском мяса отрывало, он навзничь падал, Сразу крови струя из него хлестала, быстро до смерти желанной истекал. Но много еще живых римских пленников оставалось, потому Гильветы еще два варианта той же игры использовали. Сначала дюжину юношей поставили позади четырех скакунов, Гениталии римлян - вместе пенис с тестикулами - петлями стянули. Петлей этой ремни заканчивались - длинные, более тридцати локтей. Другой же конец каждого ремня к лошадям привязан был. Смеялись гильветы, пальцами показывая на пенисы поднявшиеся Пленников, в стороне стоящих - очереди своей дожидających. По свистку длинные кнуты по ягодицам юношей и крупам скакунов Ударили, к соревнованию в беге принуждая, по склону вниз к морю. Но скорость людей и животных очень неодинакова оказалась, Хоть, спасая себя, бежали римляне так, как никогда до того не приходилось. Один за другим пленники от лошадей на всю длину ремня отставали И спотыкались, петлей, гениталии рвущую, вперед толкаемые, Катастрофой это было для их мужественности отрывающейся, Падали римляне, и крови фонтаны к богам безмолвным зывали. А части мужские главные, вместе оторванные, сначала кверху взлетали, Потом на длинном ремне в тридцать локтей за лошадьми волочились, На бугре каждом и каждом камне лежащем подпрыгивая, Смех варваров, оценивающе взирающих и любующихся, вызывая. Еще лошадей для похожего игрища гильветы использовали. В длинный ряд большинство оставшихся пленников еще живых выстроили, Перед ними опрокинутую колесницу, с галеры снятую, уложили. И ремни, гениталии перетягивающие, к этой колеснице притянули. Как у бегунов, поневоле со скакунами резвыми соревновавшихся, У этих пленников доблесть мужская тоже к небу восстала - от перетяжки, От тяжести ремня, половиной своего веса на них давящего, И от ветра, из стороны в сторону без остановки ремень шевелящего. За спинами римлян несколько варваров еще прошлись, кнутами играя, И пленников возможно дальше от колесницы отойти заставляя, Чтобы ремни в воздухе не ниже полутора локтей над землей зависли, Оттягивая их набухшие пенисы поднявшиеся и тестикулы напряженные. Как готово всё было, упряжка конная, гильветами управляемая, Пред пленниками на полном скаку, ремни натянутые дергая, проскакала, Петлей связанные гениталии римлян под корень выдирая. В восторге варвары были, что у большинства несчастных эякуляция тут наступила.

Глава III, в которой рассказывается о первых кровавых игрищах с участием пленных женщин

Для нового развлечения зверского варвары женщин начали использовать. Самое оскорбительное для свободных Империи граждан это было. Хуже, чем кастрация, большую часть к смерти тотчас приводящая. Соревноваться в мастурбации перед зрителями пленники должны были. Двух рабынь молодых привели, и одежду всю скинуть велели, и паллу, и тунику, А потом нагими на песок с раскинутыми в стороны широко ногами положили. Увидели все тогда такие вульвы сочные, что Венера могла позавидовать. Рабыням же, ударами кнута горячо убеждая, ласкать друг друга приказали:

Соски заострившиеся теребить, клиторы на глазах у мужчин облизывать. Женщины подчинились, и движения их были подобны Сафо описанным. Десяток гребцов плененных с пенисами восставшими вокруг них выстроили. Приказано морякам было, на женщин вожделея, по пенису рукой водить, Чтоб как можно быстрее потоком спермы своей горячей рабынь облить. Острые мечи свои гильветы меж ног римлян держали, тестикулы ими покачивая, И если за минуту-другую пленник сочными сливками густыми не плевался, Или на взгляд варваров, недостаточно красиво мастурбировал, без азарта, Головку пениса от посторонних пряча, сразу евнухом он становился. Не более пяти минут прошло, как с полдюжины мешочков с тестикулами И отрезанных пенисов вокруг в любви извивающихся нагих рабынь лежало. Новых пленников тогда добавили, чтоб кастрацией выбывших из игры заменить. Те же, что успешней оказались, еще по разу, а некоторые по два эякулировали. Недолго это игрище продолжалось, но женщины нагие уж задыхались От возбуждения не показного, поскольку, варваров наказания опасаясь, Со страстью глядели, сколько мужчин на них взирают, пенисы свои натирая. Полностью с головы до ног спермой покрыты рабыни оказались, И рты им были залиты, и волосы, и глаза, и животы, и груди С поднявшимися сосками, и вульвы, женским соком истекающие, Чужим взорам широко распахнутые и в возбуждении подергивающиеся. Ухмылялись гильветы, что пенисы женщины в свои утробы получить хотят, Приказали потому, чтобы они, отрезанные гениталии все вокруг собравши К себе в вагину и анус их затолкали, а трое мальчишек-гильветов Еще по берегу пошли новые мужские органы ампутированные подбирать. Те ошметки кровавые, что вокруг женщин лежали, в утробах их поместились, Под смех варваров, смотревших, как женщины с ногами распяленными Их запихнуть поглубже стараются, двумя руками уже затолкнутые уминая. А мальчишки тем временем с берега целую горку новых органов принесли. Вот для этих новых, мальчишками принесенных, места не оказалось уже, Ни в анусе, ни в вагине, хоть старались женщины изо всех сил, На карачки встав, и, мужчин не стесняясь, руками подруги ягодицы растопырив, Чтоб места поболее возможно во внутренностях своих освободить. Мечами вскрыты тогда по всей длине животы рабынь сверху вниз были, Заживо выпотрошили их, и на место потрохов, рядом на песок вываленных, Обрубки гениталий мужских окровавленных, на две части поделенных, Каждой из женщин внутрь живота распоротого до самого верха накидали. Пленники же, вокруг стоящие, принуждены были к мастурбации продолжению, И живых рабынь потрошение куда боле сцен лесбийской любви их возбудило. Под смех гильветов из них многие выстрелами сливок своих оросили Вываленные на потеху внутренности растерзанные женщин еще дышащих. Потом с пленниками, в этом игрище кровавом мастурбацией участвовавшими, Гильветы разбираться стали. Кастрированных римлян на спину положили, И ударами мечей острых все конечности отрубив безжалостно, С четырьмя кровоточащими пнями и раной между ног умирать бросили. Тех же из римлян, кто, видом рабынь возбуждаясь, эякулировать быстро смог, Тем самым тестикулы с пенисом при себе сохранив, на карачки поставили. Ударом копья, в анус вошедшего и горлом вышедшего, умерщвлены они были, Или на землю положены и заживо выпотрошены, как женщины пред тем.

Глава IV, в которой рассказывается об обучении юношей-гильветов и ночной оргии с пленницами

Когда полдень миновал, от описанных многих потех кровавых гильветов Весь берег корчащимися голыми римлянами плененными усыпан оказался, Из-за участия в игрищах варварских, мужских органов лишившимися. Лишь немногие мужчины кастрированные на ногах своих стоять могли. На этих пленниках нагих мальчикам-гильветам возможность дали Навыки сраженья настоящего практиковать. Совсем юны они были - От игр прошедших лишь у некоторых пенисы слегка приподнялись, туники задирая, Хоть при порыве ветра, лобок обнажающего, волосы там уж виднелись. Не брили их варвары дикие, ни дети, ни взрослые, даже женщинам своим В виде безобразного - волосатыми в паху, подмышках и на ногах - ходить позволяли, Что от людей отличало их, все страны мира цивилизованные населяющие, В Империю великую входящие, и от того жизни и тела культуру обретшие. Мальчишки по берегу, размахивая топориками, с боевыми воплями носились От одного пленника к другому, оружия ударами падать их заставляя. Одним конечности отрубали, в торс пустой с ошметками лишь превращая, Иным живот вспарывали, пренебреженно пленников кричащих обезглавливая. Хорошей учебой это для юнцов незрелых было, к сраженью истинному готовя, Жажду бесстрашия прививая к крови и вываливанию кишок вражеских. Мальчишки гильветов уж чрез несколько набегов в этом походе прошли, Хоть сил мало было, и шею недруга лишь с нескольких ударов разрубали. Тренировки такие кровавые прекрасных солдат Крулла воспитывали, Одни лишь слова "Крулл" и "гильветы" страх на всю Империю навевали, Хоть и немного было у Крулла воинов - всего лишь восемь десятков,

Да еще юнцов дюжина, и мальчишек, пленных рубивших, две дюжины. Маленький совсем гильветов отряд у Крулла был, но дух воинский таков, Что они три сотни римских моряков, солдат и рабов легко победили, А сами всего лишь шестерых потеряли, из них юнцов четверо, Слишком близко по глупости к сражению скоротечному подобравшихся. Потому и боялись римляне Крулла, что победа его абсолютной становилась, Ибо не оставалось свидетелей живых среди солдат побежденных, Всех Крулл убивать приказывал в кровавой жестокости неопишуемой, Уроком это было для всех воинов, но римлянам надменным недоступным. Пока молодежь гильветов мужчин плененных добивала успешно, Взрослые воины приказом Крулла к галерам захваченным двинулись, Разграбили их, все ценности вынеся, огнем ярким подожгли затем, А женщин и девочек с судов в загон огороженный кнутами погнали. Поражены они были красотой богоподобной рабынь и женщин свободных, Их нарядам сказочным, и количеству, две тысячи составляющему. Если выкуп за них потребовать, богаче всех в Империи можно стать, Но торговлей брезговали гильветы гордые - без того, что хотели, брали. Большинство женщин на потом в загоне оставили, закрыв его надежно, А каждой пятой донага раздеться велели, паллу с туникой сняв, кто противился - Одежду грубо содрали, за собой потащили, и в оргии изматывающей насиловать Стали долго - весь дня остаток и всю ночь длинную, от огня галер светлую. Некоторые пленницы еще сопротивлялись сначала, но трупы мужчин узрев, Покорными становились и все прихоти захватчиков исполнять готовыми. Рядом с воинами оружие их лежало, но пленница ни одна не осмелилась В руки его взять - с насильником расправиться, иль с жизнью своей покончить. Каждого воина или мальчика несколько женщин окружало в готовности полной - Ноги широко раскинув, на коленях или на карачках по его приказанию стоя, Чтоб напряженный пенис без эякуляции до срока из одной пленницы вытянув, В другую наложницу свою без перерыва переместить варвар успел. Как удовлетворялся гильвет женщиной покорной, пенис обмякший вынимал И его вытирал ее телом податливым, в краткий, но глубокий сон впадая. Пробудившись же, новую женщину звал, вагиной, анусом иль ртом ее пользуясь, Либо маленькую девочку насиловал, без жалости разрывая органы ее незрелые. Юнцы же, пленных добившие, тоже в оргии всеобщей участие принимали, Но у многих из них природой по молодости пенис не восставал, как должно, И не могли они, как взрослые, женщин насиловать. Таким пленницы сами Пенис вылизывали, пытаясь этим приятно сделать и к жизни его побудить. Взрослым гильветам, насыщенным уже коитусами, возбуждение тоже требовалось. И получали они его всеми способами, которыми от каждой женщины хотели. И столько влажных вагин они взяли, сколько хотели и во сне пожелать могли, Ибо раз шесть за ночь воины засыпали, но женщины без отдыха над ними работали. Рассвет наступил, и каждый гильвет в последний раз одну из своих женщин взял, Воин ли, мальчик ли, в вагину ли, в анус ли, в рот ли до корня свой пенис вонзил. Тогда Крулл могущественный сигнал подал. И по сигналу громкому этому Каждый одним ударом нож свой вонзил в сердце женщины, им насилуемой. С ударом в сердце безжалостным агония у несчастной тотчас же наступала, Мускулы в теле всё сжиматься начинали, эрекцию у насильника усиливая, Где бы пенис его не находился - в вагине или анусе, судорогами охватываемыми, И он сам от того эякуляцией разряжался резко в женщину умирающую. Умелые удары были - прямо под левую грудь, если соками налилась она уже, А девочкам молодым, грудей не имеющим - чуть ниже левого соска, между ребер. Традиционно так все оргии гильветов кончались - для другого набега удачей было В предыдущем столько нежных душ женских в Царство Плутона Подземное послать.

Глава V, в которой рассказывается об унижительной казни побежденного центуриона

Притомившись от забав эротических однообразных, всю ночь длившихся, Утром вновь гильветы готовы были спортом кровавым заняться - Время для тех женщин пришло, кто до сих пор взаперти томился За изгородью высокой близ галер сожженных, и издали лишь видел всё. Но пред тем побежденный центурион римский был к Круллу связанным приведен, Тот самый, что над всей галер охраной и моряками командовать был поставлен. В живых до сих пор центуриона оставили, и охраняли всю ночь внимательно, Чтоб видеть своими глазами он мог, как кастрировался его отряд весь и вырезался. В полной одежде боевой оставили его, со всеми повязками наградными. Тем окончательней победа Крулла была, раз пред таким свидетелем проходила. Сейчас же ритуал всего Рима сокрушения полного, Империи безбрежной всей Пред Круллом, в кресле сидящем надменно, показать долженствовало. Истинного воина римского, по силе лучшим из гильветов равного почти, Два самых сильных охранника придерживало, хоть связан он был, Еще же двое раздевать стали, бросая к ногам Крулла торжествующего Всю одежду его - шлем, ленты, панцирь, кильты, палудамент, тунику. Когда нагим центурион оказался, гильветы его мускулы налитые увидели, От напряжения колеблющиеся слегка под кожей гладкой без капли жира.

Стоял с достоинством, выпрямившись гордо, без страха на Крулла глядя.
Вполне воин такой достоин экзекуции церемониальной, - Крулл решил.
Рабыню красивую привели, девочку лет девяти-десяти, обнажив заранее,
И, на колени пред центурионом поставив, ртом пенис его возбуждать велели.
В гареме несколько лет обученная науке Амура, хоть девственна была,
Без колебаний рабыня прекрасная за занятие принялась умело.
Рабыня кровавыми событиями дня предшествующего возбудилась весьма,
Еще - тем, как среди прочих рабынь ее отбирали, паллы и туники на всех задирая,
Еще - тем, что мечта сбылась - пред пенисом хозяина бывшего на коленях стояла,
Еще - молода была очень, Венеры холмик безволосый не брила еще ни разу.
Потому, как закачались пред лицом ее центуриона гениталии внушительные,
Как ладошками его тестикулы громадные обняла, жезл ко рту приблизив,
Сдержатъ позывы свои естественные не сумев, пузырь опорожнила,
И шумная желтая струя меж ног ее под смех воинов на песок хлынула.
Краской девочка от стыда налилась, но работу свою почетную продолжала.
Языком тоненьким багровую головку поглаживала и нежно губами прикусывала,
Пенис наливающийся, в руку ее толщиной, до самого горла в себя вбирала,
Тестикулы, в мешочке качающиеся, пальчиками детскими щекотню перебирала.
Недолго это зрелище, гильветов зело веселившее, продолжалось.
Заметили варвары, как бедра центуриона задвигались девочке ответно,
Губы нервно прикусывать пленник начал, а пенис во весь рост могучий встал.
В сторону тогда девочку отшвырнули, за волосы ее грубо ухватив.
Центуриона низко на корточки усадили, колени ему широко в стороны раздвинув,
А руки за спиной с лодыжками связав, чтоб другое положение принять не мог.
Безопасен пленник теперь стал, и неторопливо Крулл к нему подошел,
Унижением такого противника сильного, отборного среди многих, довольный.
Сзади зайдя, ножнами меча своего начал Крулл центуриона по ягодицам ударять,
Багровые полосы от того на голой мужской плоти выступили, кровь засочилась.
Принужден был от ударов таких жестоких вперед пленник двигаться,
Но лишь на пальцах ступней, дабы не уткнуться позорно носом в песок.
Умело ударял Крулл, как лягушка заковылял сгорбившийся римлянин связанный,
С коленями раздвинутыми и тестикулами, меж поднятых пяток качающимися.
Своего добившись, уткнул Крулл меча острие на груди центуриона в завитки волос.
Тщетно тот равновесие пытался удержать, но не сумел и на спину опрокинулся.
В падении своем губительном, как Крулл рассчитал, всем весом своим немалым
По у земли висящим тестикулам собственным ударил, раздавив их напрочь.
Оценил тут Крулл пленника мужскую силу, ибо тестикул разрушение
Эякуляцию последнюю у того вызвало, лицо центуриона спермы потоком залив.
По знаку Крулла приподняли воины римлянина, вновь на корточки его усадив.
Хоть мешочек с тестикулами как гладкий папирус египетский меж ног провис,
А лицо пленника болью искажено, ни звука тот не издал мужественно,
И пенис его, только что извергнувший, внушительным остался, как римлянин сам.
Последнее оскорбление нанес тогда Крулл римлянину побежденному
На его лицо помочившись, струей едкой варварской липкую сперму смывая,
В завершение ударом меча сильным обезглавив на корточках позорно сидящего
Центуриона пленного, и как воина, и как мужчину полностью побежденного.
Назидательна и справедлива для всех людей кончина его позорная стала,
Ибо не может в живых полководец остаться, столько рабов потерявший,
И столько воинов, не сумевших отпор дать группе варваров малочисленной,
И собственность Цезаря венценосного дорогую защитить не сумевшего.
Теперь, как весть о поражении этом и рабынь потере до Рима дойдет,
Поспешно вновь придется наместнику бретанскому, визитом озабоченному,
Гонцов во все города имперские отправлять рабынь отбирать и закупать,
Дабы инспекция Императора могущественного плачевно не кончилась.

Глава VI, в которой рассказывается о каннибализме гильветов и новых отверстиях в телах женщин

Тем временем как Крулл центуриона казнил столь люто и оскорбительно,
В загоне для рабынь три десятка женщин самых пухлых отобраны были,
Обнажили их, дабы все полюбоваться могли на белые тела, соком полные,
И, в испуге дрожащих, в круг воинов привели, нового развлечения жаждущих.
На спину сочных красавиц уложили, налитые животы им накрест вспороли,
И, еще живых и кричащих, выпотрошили. Потом копьями их насквозь прокололи,
Через вагину ими нетронутую до горла, и над кострами на вертелах стали жарить,
Дабы с утра голодных гильветов воинов и молодежь накормить досыта.
Более целесообразно это было, чем жестокие убийства бессмысленные,
Ибо редкую в наше время для мира цивилизованного пищу давало -
Заживо над костром жареную плоть женскую молодую сочную и вкусную,
Что куда лучше обыденной оленины иль свинины приевшейся было.
Ради господства плоти телесной и душевной гильветы жили, иного не ведая.
Хоть каннибализм и у них исключением считался, в исступление их приводила
Плоть жаренная женщин захваченных, один вид самых мест интимных -
Вульвы, грудей, лядвей с ягодицами, новую жажду крови и похоти вызывая.
Поскольку не было сейчас у гильветов в игрушках для похоти недостатка,

Каждую пленницу лишь для однократной эякуляции использовать было можно, Убивая ее при этом, и судорогами жертвы предсмертными наслаждаясь, Прилив крови к пенису вызывающими, где б в женском теле не находился он. Места же разные использовались для пениса, не только вагина, анус или горло, Новые отверстия в мясе пленниц гильветы для похоти проделывали. Почти в любом из отверстий этих при агонии мускулы женские сокращались Немедленную эякуляцию насильника и убийцы вызывая ответно. Единственная часть тела женского, дыра в которой, пенисом заложенная, При агонии мускулов сокращение не вызывающая - груди женские были. Но так они подпрыгивали возбуждающе при движении пениса, в них вложенного, Что прекрасными предметами для пытки предсмертной гильветам служили. Считали варвары, танец самый красивый эротический пленницы умирающей Тогда именно получался, когда пенис грудь, кинжалом под соском надрезанную, Всё глубже и глубже пронизывает, оргазм сильный танец такой вызывает. Ведь всю женщину не надо держать тогда, только в грудь вцепиться достаточно. В иных же отверстиях в теле пленниц, специально для насилия проделанных, Конвульсии красавицы предсмертные пенис эрегированный судорожно обжимали, При этом обильную эякуляцию встречную у насильника вызывая агонией. К примеру, над ключицами надрезать шею с горлом гильветам нравилось. В обе стороны тогда можно было пенис просовывать - и к голове, и к туловищу, И по трубке естественной любой - и по горлу, и по трахее дыхательной, Куда интересней так пленницу насиловать было, чем просто рот ее использовать. Еще живот надрезали - около пупка обычно, где пенис кишками плотнее держится. Еще - под ребрами, лучше слева, чтоб до сердца несчастной пенис дотрагивался, И самой головкой нежной его затухающее биение неравномерное чувствовал. Еще - в пахе, рядом с вульвой в пустоту щель вагине параллельную прорубить, Из естественной в новую переходить тогда можно, в анус оттуда, обратно потом. Еще - узкий, но глубокий, в мякоть самую, разрез на бедра внутренней стороне Сделать - там, где у женщины кожа бархатистая самая нежная, и мышцы сплошные. Так пенис эти мышцы обжимают, что эрекцию вожденную стократ усиливают, Хотя из-за обжима этого и сложно в разрезе мышечном пленницу насиловать. Лишь воины гильветов самые сильные успешно могли бедро использовать, И то для этого ногу женщины, поднятую горизонтально, фиксировать приходилось, Вервием, к примеру, привязывать, бедро разрезанное наверх подтягивая. Еще ж лучше - шипом деревянным к доске прибить, тогда лишь пенис вводить. Закалка немалая и сноровка для фрикций трудоемких в бедро требовались, Но наибольшее удовольствие этот способ давал - движение самое малое Пленницы полураспятой бурю мускулов движения вокруг пениса создавало, Особенно, если с эякуляцией одновременно в вагине кинжалом шевелить. При оргии этой кровавой гильветы зачастую женщин даже не обнажали, Лишь дыры для пениса в одежде прорезая и ленты стягивающие рассекая, Ибо в агонии предсмертной руками свободными пленница сама платье свое Разрывала в забытие бесстыдно, наслаждение варвара тем усиливая.

Глава VII, в которой рассказывается о стаде кобылиц, из пленниц гильветами отбираемых

Целью гильветов было всегда над побежденными доминировать полностью. Но подчинение слабейшего, даже полное, не воспринималось ими достаточным. Полной властью считали они только смерть, от варварской своей руки принятую. Хотя одно исключение из правила этого принималось ими - для рода продолжения. Стадом кобылиц своих называли они пять с половиной десятков пленниц, Прекрасных самых и молодых, только лишь в возраст детородный вошедших, Но не худосочных, а выносливых достаточно, с тазом и бедрами широкими, Не мешающими ребенка, от варваров зачатого, выносить, родить и вскормить. Отбор стада этого из невольниц всех очень тщательный гильветы устроили. Сначала из загона женского переполненного потенциальных кобылиц вывели - Молодых достаточно, с фигурой мясистой и цветом кожи белоснежным только, Ибо не были черты негроидные гильветам присущи, и получить не хотели их. Таких больше пяти сотен оказалось, слишком много для племени мобильного. Этим внимательный осмотр устроили - обнажиться велели, в кучку одежду сложив, И по одной мимо варваров, строем в две шеренги стоящих, медленно проходить. Каждый воин в шеренгах "право вето" имел, римлянами самими изобретенное. Широко использовали при осмотре воины это право - если не устраивал кого Цвет волос или форма груди, пленница раздетая вновь в загон возвращалась. По требованию подходила девушка к гильвету, рот открывала, ноги расставляла, Зубы свои показывая, или влажность вульвы оценить возможность предоставляя. В шеренгах сортировку эту около двух сотен прошло, воин ни один, стараясь, не смог Дефектов никаких в этих женщинах обнаружить. Потому далее отбор продолжался. Пленниц в круг спинами к варварам поставили на колени, лицами в песок уткнув. Ягодицы они сами руками раздвинули позорно, детородные места распахнув. От одной женщины к другой гильветы переходили, разглядывая внимательно Вульву, вагину и анус, пальцы засовывая, пригодность к деторождению оценивая. Еще десятков шесть отбракованы при этом были, но всё же слишком много осталось. Но от осмотра такого возбудились варвары изрядно, пенисы их вверх восстали.

Тогда по сигналу, Круллом данному, оргия одновременная всех воинов началась. Лишь по десятку-другому фрикий глубоких с каждой пленницей воин совершал, К соседней по кругу тотчас переходя, вагину подставившую столь же покорно, Даже если девственна была, и понимала, что боль от вторжения сейчас испытает. Ибо знали невольницы, что лишь те из них в кобылиц стадо отобраны будут, Кто эякуляции насильника своего удостоятся, остальные ж умерщвляются жестоко. Потому старались пленницы так движениями своими податливыми воина убажить, Чтоб гильвет возбужденный возможно дольше оторваться от нее не сумел. Так и остались, головой в песок уткнувшись, довольные счастливицы отобранные, Демонстрируя гордо всем сгустки белые спермы, из вагины по ногам стекающие. Остальных женщин, семени варварского не заслуживших, в загон пинками погнали, Где вместе с пленницами остальными планиды своей разрешения ждать они стали. Судьба же кобылиц стада, хоть в живых и оставленных, незавидна весьма была. Предназначение их главное - забеременеть быстро, не более чем месяца в два, Выносить плод, благополучно разрешиться, племя увеличивая. Но не только это. Все дни и ночи все без сна почти проводить, подвергаясь насилию безропотно. Ибо каждый воин право безоговорочное имел нужду в женщине в любое время С каждой из кобылиц покорных справиться, хоть устала она, иль на сносях была уже. Причем на сносях кобылиц как раз предпочитали гильветы, ибо, пенис вводя глубоко, Плод ударять можно, женщине боль принося, а себе удовольствие преумножая. Пищи приготовление, огня поддержка также обязанностью кобылиц было, Шитье и одежды починка, лагерей строительство, а при племени перемещении Постоянном воины налегке шли, всю поклажу громоздкую на кобылиц навьючив, Дабы шли они за гильветами задыхаясь, подобно мулам тяжелоогруженным. Еще обязанность у невольниц-кобылиц была, самая неприятная из всех. В путешествиях длительных, когда продовольствие у гильветов к концу подходило, А охотиться некогда было, несколько женщин для еды умерщвлялись, Другие же кобылицы, в живых оставшиеся, подруг своих на кострах жарили. Однако тут рациональность у гильветов была - обычно только тех убивали, Кто даже через несколько месяцев пленения варварского забеременеть не сумел, Хоть спермы животворной за время такое много амфор в ее вагину влито было, Ибо не реже, чем трижды в сутки воин гильветов какой-нибудь ее брал. Потому торопились отобранные в кобылицы забеременеть и, пока не сумели, Сами о коитусе варваров уговаривали, позы весь день развратные принимая. Кобылиц большая часть от совокуплений частых плод понести все же успевала, Хоть родить и выкормить - лишь половина, ибо тяжела жизнь их была. Когда мальчик рождался, отца своего не знал, невольницу-мать презирал же. Сыном племени считался, и всё воспитание гильветов воинское получал. Девочкам же, кобылицами рожденными, не более чем до восьми лет доживать Позволено было, дабы не стали они целями для набегов вражеских. С четырех лет девочки эти использовались уже - для дел мелких посильных. А с шести - через всех воинов как наложницы проходили, хоть эта участь женская Плачевно из них для половины кончалась, ибо не выдерживала вагина детская Вторжения пениса огромного, и за несколько дней от крови истечения погибало дитя. Если же в живых оставалась, то два года коитусами болезненными замучивалась, От одного воина к другому ежечасно переходя, на недовольство права не имея, А в конце своей жизни краткой, в тот день, когда восемь лет исполнялось, Торжественно копьём насквозь протыкалась, и живьем над костром жарилась. Часто захватывали гильветы девочек и постарше восьми лет, и их насиловали С наслаждением, боль разрывами внутренними причиняя, ибо куда уже и короче Были их отверстия девственные, нежели не только у женщин постарше, Но и у детей кобылиц с вагиной и анусом уже растянутыми пенисами многократно. Но в живых пленниц этих малолетних боле нескольких часов не оставляли, Потому как владение девицами в возрасте, который во всем мире для утех Амура Самым подходящим считается, могло набеги других племен варварских вызвать, Без того к гильветам Крулла воинственным и опасным безразличных. А несколько часов этих последних самыми тяжелыми в их жизни короткой были, Каждый воин и недоросль каждый гильветов своим неперенным долгом считал Насильно коитус с пленницей молодой совершить, порой несколько воинов сразу, А в завершение для совокупления новое отверстие в теле ее проделать.

Глава VIII, в которой рассказывается о впечатлении, которое произвела на Крулла нубийка Оота

Между тем, как невольниц-кобылиц из женщин большого числа отобрали гильветы, Оставшиеся пленницы без исключения обречены остались на убийства жестокие, Которым предшествовать будет куда худшее отношение, чем к кобылицам, Худшее даже, чем к животным домашним, на забой безжалостный предназначенным. Гильветы гордые понимали прекрасно ценность истинную для себя женщин, И такими способами эту ценность показывали, чтоб никакого не оставалось сомнения В умах низших существ, поскольку почти месяц без изнасилований обходились И выпустить из себя должны они были всю похоть дикую и ярость неуголенную. Больше десятка разожгли гильветы жестокие вдоль берега огромных костров, И каждый из них центром кровавого представления оказался, каждый - своего. От одного костра к другому воины и мальчики варваров переходили неторопливо,

Где за действием лишь наблюдая, где, как участник, к нему присоединяясь. Ибо невольниц незанятых много весьма оставалось, а куда больше - отверстий. В телах невольниц, как от рожденья женщинам присущих, так и вновь проделанных. У каждого костра пленниц насиловали, пытали, распинали, резали и жарили - Одну за другой, не торопясь нисколько, ибо не спешили куда гильветы жестокие. Как скульпторы, из мрамора ваяющие, творчески варвары пленниц убивали, Ибо наслаждение смертью слабых есть награда за сражение с сильными, А женщины добычей были и, за исключением немногих, в кобылицы отобранных, Чтоб семя воинов взрастить, обречены были погибнуть тут на песке окровавленном. У одного из костров самых больших Крулл покоился на мягкой и теплой подстилке, Из пленниц нагих составленной, с самой гладкой и нежной кожей отобранных. Женщин для того вплотную друг к другу на спину уложили, двигаться запретив, Крулл же поперек пленниц на их животы упругие возлег, племя свое озирая. Дабы всё же случайным движением никто из женщин вождя тревожить не стал, В вагину каждой из них пред тем на всю глубину широкий кинжал вставили. Сосок одной пленницы ногтем Крулл скупающе отковыривал, и кровь из него Уж выступила, а сосок, до того поднявшийся остро, наполовину отодран был. Но молчала и замерла женщина, истязаемая гильветов вождем мимоходом, Понимая, что движение малейшее или возглас смерть немедленную принесет. Крулл же приказал, чтобы привели ему какую-нибудь игрушку малолетнюю Для пениса, лишь слегка восставшего, но забавы с ребенком пожелавшего. По приказу тому нубийку десятилетнюю к вождю в неге скупающему подвели. По имени Оота. Со смуглой кожей оливковой и прекрасную, как Флора - богиня. В гаремах Византийских три года обучалась Оота обольщения искусству, Где одно из правил гласило: следить за собой, что бы не приключалось. Потому брови ее были подровнены и насурьмлены, губы кармином покрыты, Ногти на руках и ногах краской рисованы, а поверх прозрачной туники тончайшей Накинута была палла узорчатая, золотом вышитая, не грудь, но сосок лишь один Обнажающая к соблазну, ибо сосок этот наклеенной крошкой самоцветной сверкал. Воины, Ооту к Круллу приведшие, обнажить ее предложили, но, на платье глядя Нарядное, вождь отказом ответил, указав лишь тунику ее вверх к шее поднять. Оота же недаром в гаремах долго обучалась, одежда ее тоже оттуда была, Потому сама сразу же паллу нарядную с туникой прозрачной лентой подвязала. Оказалась она потому и одетая слегка, и полностью обнаженная одновременно, Что куда сильнее естественной наготы, взорам открытой, мужчин всегда возбуждало, Ибо все платье ее гаремное ровным свертком красочным около плеч собралось, Лишь их прикрывая, а голову открытой оставляя и все тело оливковое нагим. Ближе к Круллу подошла Оота, на груди мягких женщин подстилочных наступив, Не колеблясь нисколько униженным положением их, под вождем лежащих С кинжалами в вагинах, и шевельнуться или возглас издать права не имеющих. Соблазняяще Оота ноги расставила, и таз свой вперед выдвинула, шевеля им. Пред Крулла глазами самые совершенные складки меж ног рабыни предстали, Коии он видел когда-либо, и бесстыдно ему девочкой открыто предъявляемые. По всей напоказ выставленной фигуре обнаженной глазами проведя, увидел вождь, Что хоть и молода она, но округляться формы начали, как у женщины взрослой. На уровне глаз Крулла, на локоть привставшего, вульва Ооты оказалась С тонкими маленькими губками, чуть светлее, чем кожа ее гладкая темная, И этим цветом выделялись они и расходились немного, поскольку расставила Еще шире ноги Оота, вниманием гильветов вождя всевластного польщенная. Из-под вниз к междуножью струящихся губ вульвы Ооты, приоткрытых безмолвно, Симпатичный маленький язычок розовый вылезал, стать потом мог бы который Клитора ее капюшоном, если б достаточно долго для того ей жить позволено было, Чтоб гениталии ее, по-детски прекрасные, сформироваться во взрослые успели. Почувствовал Крулл по крови прилива к пенису, что органы Ооты, хоть тонкие, И меньше, чем у невольниц других захваченных, даже сейчас дать способны Большое его вкусов варварских удовлетворенье, вне к тому отношения, Когда ей смерть он пошлет, ибо безразлична вождю была ее жизни длина. Лишь руку Крулл протянул вперед, тотчас Оота, улыбнувшись, шаг к нему сделала, Одну ступню на горло невольницы-подстилки поставив, колени в стороны разведя, И в движении бесстыдно-соблазнительном бедрами раздвинутыми подавшись, Ибо такая обольщения наука от предыдущих владельцев была ей преподана. Сделала так она, поняла поскольку, что вождя пальцы любознательные Сейчас ее гениталии, хоть и несозревшие, но мужчин познавшие, изучать будут. Чувствовала Оота, что вагина ее суха, но Крулла палец поглаживал мягко Губ вульвы самые края внутренние, и выступать женская влага начала. Тем самым путь открылся в глубины ребенка самые сокровенные женские. Вождь тогда свой палец до упора в вагину Ооты вдвинул, кончиком пальца Тепло ощутив стенок туннеля детского и живого пульсирующего краешка матки ее, К вульве детской расположенной близко совсем из-за молодости ребенка. Еще почувствовал Крулл пальцем своим углубленным сжатие вагины намеренное, Для мужчины соблазна Оотой в гаремах усвоенное, и покачивание возбуждающее Ее гладких оливковых бедер стройных, пенис хозяйский похотливо призывающих, Стоило ему лишь другой рукой пошевелить, на ее гениталии увлажнившиеся указав. Ибо в свои десять лет нубийка опытной уже блудницей стала, телом своим женским Пользоваться научившись вместе с обаянием детским. Оота же еще пред Круллом

Рот приоткрыла призывно, губы карминные облизывая, показывая тем, что обучена Опытными наложницами и евнухами все органы тела своего женского использовать. Все органы использовать - и те, что снизу в междуножье находятся, и те, что сверху Для удовлетворения любых желаний мужских. Ничему боле не была Оота обучена, Но то, что знала, умела в совершенстве. Это и существования ее целью стало, И выживания способом, оправдывающего обучение премудростям потаенным. Восхитился Крулл навыкам ребенка увиденным, но в деле десятилетку смуглую Проверить решил и, пенис свой обнажа, поводил им из стороны в сторону. Поняла сразу Оота задачу, пред ней стоящую, и, пройдя по телам невольниц, Под Круллом лежащих безропотно, с улыбкой на корточки пред ним присела. Ноги вокруг вождя Оота на пленниц поставила, присев, прямо держась и на колени Свои не опираясь, а тонкими лепестками влажной вульвы детской своей и анусом Пенис Крулла поглаживать легко стала, прилив эрекции и вожделения вызывая, Не боясь нисколько размеров огромных головки и длины самой органа мужского.

Глава IX, в которой рассказывается об удачном использовании Оотой убийства Круллом одной из своих подстилок

Понял Крулл, что нубийка малолетняя прелестями своими его подразнить собралась, Но не возражал нисколько, ибо никуда не спешил, весь мужской негой заполненный. Но у Ооты перед глазами все еще сцены стояли дня предшествующего и этого, Когда страшной смертью унижительной воины, моряки римские и рабыни гибли. И то, что видела она, куда серьезней было, чем те набегι многочисленные, Из-за которых хозяева у нее трижды уже менялись, а прошлые погибали. В этот раз, считала она, римляне заносчивые по заслугам смерть получили, Ибо небрежны оказались в охране живого имущества законного своего. Но не столь же мучительной и унижительной смерть их должна настать была, А казнь женщин, гильветами полоненных, вовсе незаслуженной оказалась, Ибо доля женская, как в веках велось, была в мужчин услаждении сладострастным, А не в пытках и убиении кровавом, жестоком, мучительном и бессмысленном. Небрежность же римлян в охране достояния своего так Оота себе объяснила, Что рабынь тысячи были куплены, а не честно в бою кровью своей заработаны. То же, что достается легко, легко и теряется. Уже тем Империя преступной была, Что ленивую торговлю презренную добыче законной предпочитать стала. Потому и посчитала она заслуженной смерть римлян, никаких к ним симпатий Не питая, хоть и тем потрясена была, с какой их казнь чувственностью дикой Проводилась. Теперь же из-за лености римской трудная задача перед Оотой стояла, Ошибиться в которой, неудачу потерпев, не могла себе нубийка молодая позволить. Играя, приблизила она торс свой к лицу Крулла, дабы рассмотреть он мог, что груди Ее не выросли еще, лишь соски с ореолами набухли, как две маслины вперед торча, А потом погладила сосками нос и щеки вождя, не забывая все время щекотать Бесстыдно гениталиями детскими своими огромный пенис его эрегированный. Потом, боли не боясь и Круллу улыбнувшись призывно, медленно приседать стала, Схвативши пенис вождя в кулачок, и свой анус на огромное копье живое накалывая. Отверстие ее заднее к таким вторжениям хорошо подготовлено было учебой Длительной, когда со вставками разными самыми неделями в гаремах ходила она. Благодаря учебе той проход анальный сморщенный хорошо у нее растягивался. Стоило лишь самой Ооте расслабиться, как без боли почти вхождение проходило, Что многими ее хозяевами прошлыми оценено и одобрено по достоинству было. Знала она из опыта и о необходимости пениса головку смочить предварительно. Именно это танцем бесстыдным делала она, с пенисом Крулла вульвой своей играя. Но лишь самый кончик удалось ей смочить о губы свои слегка увлажненные. Потому, хоть вхождение сначала легко пошло, потом, она понимала, больно будет. И ладно бы, больно самой Ооте, но неудовольствие вождя боялась вызвать нубийка. Тут действия Крулла самого ей помогли. В неге напряженной от Ооты действий Откинулся вождь чуть вбок, локоть на лицо поставив одной из женщин-подстилок, Под ним лежащих безропотно, в самый глаз острым концом тяжелым его уперев. Безрассудно пленница в ход руки пустила, сдвинуть локоть хозяйский пытаясь. Напрасно так поступила она, лучше ей было бы в тиши без глаза одного остаться. Хоть и не заметил помехи вождь, игрой Ооты увлеченный, локоть вниз сдвинул, На горло самое пленницы несчастной тотчас его переместив и нажав всем весом. Захрипела пленница, руку Крулла скинуть пытаясь, чем лишь смех его вызвала. Еще сильнее придавил вождь локтем горло пленницы, пока не хрустнуло там, Судорожно дернулась женщина, а голова уже мертвой набок не опрокинулась. Из-за кинжала, в вагину женщины засунутого, ноги ее широко расставлены были, Потому при конвульсиях предсмертных оттуда кверху мочи струя толстая ударила. Под воинов смех, вокруг собравшихся, прямо в рот приоткрытый одного из них Янтарный горячий фонтан ударил - поперхнулся воин, отскакивая и утираясь. Развлекался Крулл, на умирающую откинувшись, как судороги ее передавались Через него Ооте, в ритме агонизирующей анусом на его пенис насаживающейся. Основное же вождя внимание к маленькой фее было приковано, что губу закусивши, Танец смерти подстилки, руками умирание изображая, на нем исполняющей. Но, хоть дух пленницы уж в царство Плутона отошел, полных грудей ее колыхание

И живота податливого тепло оставшееся, еще хорошо роль одеяла исполняло. Тем более, лежать ее тело оставалось среди других женщин-подстилок еще живых, Все содрогания ягодиц Крулла, в анус детский Ооты входящего, чувствующих. Нубийка же молодая, мочи фонтан узрев, возможностью воспользоваться решила. Способом приемлемым пенис вождя смочить, дабы легче он в анус ее проходил. Слюни свои до того использовать она и посметь не могла, ибо оскорблением было Рабыне презренной на вождя всемогущего плевать, иль даже плевков имитировать. Позу же наездницы сменив, в рот пенис Крулла взять тоже права нубийка не имела, Ибо не рабыня - игрушка Амурная коитуса позу назначает, но той игрушки хозяин. Потому руку протянула Оота к фонтану желтому, из вульвы умирающей исходящему, И, в ладонь теплой жидкости зачерпнув, свой анус и пенис Крулла полила ею, Что нисколько оскорблением не считалась даже у варваров, ведь жидкость та Из гениталий исходила - из того места, которым мужчина с женщиной соединяются. Улыбнулся вождь находчивости рабыни малолетней и, расслабившись, откинулся На подстилку свою, в испуге замершую, Ооте все действия наездницы предоставив. В неге будучи от вхождения в анус ребенка мягкого, Крулла для наслаждения Полного другие еще развлечения требовались, жестокие, как всё у гильветов.

Глава X, в которой рассказывается об огненной забаве Крулла с молодой египтянкой

Потому приказал он, чтобы еще ребенка одного малолетнего к костру его привели. Два воина с места тотчас сорвались и египтянку прекрасную пред ним поставили. Стройную, с прямыми длинными волосами черными и лица чертами тонкими. По знаку Крулла, тунику сняв, обнажили воины у него на глазах невольницу молодую. Постарше Ооты египтянка оказалась, не меньше, чем лет двенадцать ей было, Потому уж выросли плотные груди маленькие, увенчанные сосками темными, Хотя и светлей, чем у нубийки. Холмик Венеры ее детский выбритым чисто оказался, Отчего вульвы разрез виден высокий, почти весь лобок вертикально пересекающий. Сказал Крулл, под Оотой скачущей лёжа расслабленно, что видеть хочет страдания Египтянки молодой и крики слышать, о смерти от боли гильветов умоляющие. Трое воинов сильных тогда к ней подступили. Двое за щиколотки невольницу взяли И вверх их подняли, широко ноги ей в стороны растянув между собой изо всех сил. Третий же палку в кулак толщиной из костра достал и конец ее не загоревшийся В анальное отверстие египтянки глубоко засунул, чтоб факел сам в ней держался. Назад отступив и на длинные волосы ее черные, по песку раскинувшиеся, встав, Огонь на палке, в невольницу вставленной, воздуха набравши, раздуть стал. Запылал ярко факел меж ног египтянки расставленных, она же так закричала, Что у всех костров, гильветами разожженных, на ее вопль отчаянный оглянулись, Хотя пока не от жара она кричала, а лишь от ужаса, факелом вызванного, И от боли в отверстии анальном, грубой палкой сучковатой причиненной. Пару лишь выдохов на факел успел третий воин сделать, как огонь открытый Новые палки участки сумел захватить, и вся она пламенем ярким загорелась. Остановился огонь лишь у ануса египтянки, его поджаривая, и искры сверкающие Рассыпая на ноги, на холм Венеры и на ягодицы ее, широко разведенные. Оттого бедра с ягодицами краснеть заметно начали, новые крики ее вызывая. Крулл же недостаточным счел, что египтянка молодая лишь снаружи согревается, Анусом своим палку туго обжав, тем самым огню внутрь проходить не давая, Потому руки жестом воинам своим на колесницу римскую разрушенную указал. Без слов поняли его гильветы, вождю послушные, ибо из колесницы торчала Ось бронзовая, римлянами, на металлы расточительными, туда установленная. Факел, в египтянку вставленный, почти прогорел, когда толстую ось бронзовую В шесть локтей длиной воины к Крулла костру принесли, осью той факел заменив. Из ануса египтянки теперь длинная ось торчала, на пол-локтя внутрь проходя. На ноги пленницу тогда поставили и вперед нагнули, спиной к костру поставив, Чтоб новый хвост бронзовый, из голой девочки зада стройного далеко выступающий, И до отказа в нее погруженный, в жарком пламени костра огромного нагревался. Когда жар металла раскаленного в утробу ее пошел, пуще прежнего завопила Невольница, хоть отодвинуться, если не убежать, от пытки огнем пытаться. Но твердо воины сильные ее держали, ни на ступню от костра отодвинуться Не давая - наоборот, с каждым криком все ближе к пламени ее придвигая. Жар же внутренний, от сфинктера и кишок идущий, всё сильнее по египтянке Распространялся - сначала лицо и шея краской налились, а из глаз слезы хлынули, Затем стоять сил не осталось, ноги ее подкосились, на корточки упасть попыталась. Но воины ее под груди с жара обвисшие подхватили, хвостом в костер пододвинули. Как ось бронзовая цвет от нагрева менять стала, звуки слышали вокруг все От жира подростка нутряного скворчащего, а потом всплески пламени увидели, Вырывающиеся из ануса вдоль хвоста раскаленного. Набок голова египтянки упала, Глаза закатились, ибо сознание она потеряла от жарки кишок своих внутренней. Удовлетворены этим воины остались, отпустили ее и на спину разрешили упасть, В расслабленности бессознательной ноги в стороны похотливо раскидывая, Будто взять себя предлагая, в надежде за это от стержня бронзового избавиться, А из вульвы ее распахнутой соки женские пошли, на ось падая и паром исходя. Один воин сначала, другой затем, по головне пылающей из костра вынули, И по очереди в вагину раскрытую затолкав, огонь затушили, проведя напоследок

По губам вульвы всей, и холму Венеры заодно, дабы осушить полностью жидкости, Из междуножья пухлого невольницы прекрасной выливающиеся произвольно. Потом, стержень раскаленный из нее вынув, мечи воины с обеих сторон воткнули В груди прекрасные невольницы еще живой, и, в воздух за них тело приподняв, К откинувшемуся под скачущей Оотой Круллу поднесли, к лицу его междуножьем Прожаренным, дабы вкусом мяса живого вульвы молодой насладиться он смог. За ягодицы горячие прижал к себе вождь египтянку, кровью из грудей сочащуюся, И, рот открыв широко, зубами мяса прожаренный сочный кусок из ее гениталий Выдрал, а прожевав, еще один, выше, с холма Венеры. Кивком довольным оценил Крулл работу воинов своих, ибо как любил он приготовлено мясо вульвы было. Самый восхитительный вкус гильветов вождь находил в нежных складочках И клиторе гениталий детских, в огне запеченных, когда заживо ребенок жарился, И заживо же на вкус опробовался, хоть и редко ему доставалось лакомство это. Мечтал же о том, чтоб в сознании был до конца ребенок, и на еду эту смотреть мог. Тут же лишь Оота закуски его зрителем оставалась, и судьбы египтянки опасаясь, Быстрее и глубже на пенисе огромном вождя заскакала, болью в анусе растянутом От страха за жизнь свою пренебрегая полностью, лишь, нимфоманке уподобясь, Соски свои перед ним теребила и улыбалась обольстительно Круллу ужасному. Ибо мудра была нубийка десятилетняя, до той поры в живых еще оставшаяся. Понимала она, что интерес к себе постоянный Крулла должна поддерживать, Что возбужден ею постоянно он быть должен. Если ж от скуки иль пресыщения Ослабеет в ней эрекция его, развлечению вождя яростному жизнь ее отдана будет. Египтянка же молодая, живая еще, вульвы губ, клитора и Венеры холма лишенная Крулла зубами, с мечей гильветов, сквозь груди ее проходящих, в ревуший костер Движением двух воинов согласованным была брошена. Поверх же тела ее несколько Свежих бревен закинули, дабы быстрее прогорел ребенок уже использованный. Крик последний из костра раздался, но смолк быстро. Удачлива была девочка, Что смерть приняла недолгую, благословением у гильветов это считаться могло. Вкусной она оказалась и запеченной в меру, быстро и легко мучилась потому. Другим так в эту ночь не повезет, как ей, пытки гильветов долгие перенося.

Глава XI, в которой рассказывается о новой благородной игрушке Крулла

Новую игрушку поинтереснее для утех своих велел Крулл воинам своим привести, И двое гильветов, приказ исполняя, вдоль костров к загону женскому двинулись. У каждого из костров многочисленных забавы кровавые с пленницами проходили, Причем нигде от женщин, обольщению обученных, опыт их не требовался. Хоть у большинства опыт этот огромным был, у многих владельцев полученным, И наслаждения массу могли они бы новым хозяевам в Амура утехам доставить, Но впустую пропадало умение их, гильветам не требуемое, ибо сами брали они Лишь то, что хотели; хотели же пыток невероятных и жертв своих страданий. У одного костра увидели Крулла посланцы женщину красивую, на спине лежащую. Четверо гильветов сразу играли с ней. Один накрест на ней лежал, в вагину Совокупляясь, другой для этого горло надрезанное использовал, еще же двое, Живот вспоров, потрошили несчастную, кишки ее в разные стороны растаскивая. У другого костра видели они блондинку прекрасную длинноволосую, в странах Каких-то северных захваченную. Грудь большие у нее были, что и использовалось. Толстую палку через них продели насквозь, кинжалом перед тем дыры проткнув, И вверх ее через груди подняли, чтобы ноги в воздухе оказались, болтаясь смешно. Потом же раскачивать в стороны ее стали, в крике от боли захлебывающуюся. Не знали Крулла посланцы, что потом с ней делать собираются, да и безразлично Это им было, ибо найти надо быстрее женщину, для вождя своего подходящую, А не любоваться пленницы несчастной покачиванием, через грудь вверх поднятой. Даже у третьего костра не задержались они, хоть соревнование интересное увидели. Двух девочек двенадцатилетних донага раздели и маленькими ножами вооружили. По приказу дрались они между собой, порезы кровавые нанося, как враги заклятые, Причем велено им было лезвие засадить подружке в голенькую вагину девственную. Не получалось это у них, хоть старались подростки, сил своих детских не жалея - Попасть никак не могли, ибо при угрозе соперницы сразу ноги свои сжимали. Веселились игре этой гильветы, ибо долго не могли девочки друг дружке нанести Вреда серьезного, жизни угрожающего, тем самым развлечение продлевая. Но не задерживались посланцы у костров и быстро совсем к Круллу привели Новую игрушку для желаний кровавых, Ооты возбуждением не унимаемых. В этот раз не девочку привели молодую, и не рабыню безродную из многих взятую. Игрушкой для вождя развлечений стать должна была женщина кровей благородных. Изумительное существо пред Круллом встало, чувственной красотой налитое. Редкостью такие женщины даже в Империи великой были, ибо увеличила Искусственно она все свои органы интимные, что лишь в редких городах делалось Портовых, где нагота женщин благородных модой местной допускалась вполне. И для того допускалась, чтоб могли женщины эти мужчинам головы кружить, Ни на шаг реальный не подпуская, лишь дразня. Потому гордо она встала Пред Круллом, сбросив паллу наземь, а тунику свою до плеч приподняв, Гордо наготу показывая, надеясь, что впечатление телом своим произведет. Ибо опыт у нее большой имелся, что не могут мужчины пред телом таким устоять.

Уверена была, так вождя грозного потрясет им, что жизнью за то награждена будет, Поскольку вид тела ее воистину необычен был. Ее вульвы губы широкие, Еще от рождения большие, специально оттянуты низко были и развернуты слегка. В результате сверху толстый клитор прекрасно сформированный высывался, Снизу же эти интимные творения изумительные ниже колен ее заканчивались. Когда туника свою красавица гордая подняла, всех блеск колец золотых ослепил, Что по периметру губ широких, столь низко свисающих, вставлены в них оказались. Но не только по кольцам понятно стало, что богатая женщина пред Круллом стоит, Ибо на цепочках золотых, от тех колец исходящих, гениталии, как живые, висели. Гениталии мальчиков-рабов, что кастрированы для работы в гареме были, Ей принадлежащем, но кастрированы не тестикулами одними, а пенисами также. После кастрации, дабы не пропадали их органы детские втуне, бальзамировали Пенисы маленькие с шариками в мешочках детскими по рецептам египетским, Сушили затем, и тогда лишь для украшения интимного женского использовали. Более двух дюжин гениталий таких на верхних половинах обеих губах ее висели. На нижней же части каждой губы оттянутой, о колени ее прекрасные ударяясь, Два взрослых пениса эрегированных болтались, с тестикулами в полном наборе. Удивление Крулла не то даже вызвало, где экземпляры такие огромные нашли, Как бальзамирования мастерство, сумевшее прекрасно эрекцию сохранить. Но не только вульвы губами своей была гражданка благородная примечательна. Соски ее с детства раннего обрабатывались и отсасывались слугами аккуратно. Потому, хоть не рожала она, пальцы красные, из грудей горизонтально торчащие, Не меньше по размеру были, чем пенисы подростковые, желанием восставшие. Груды же ее были полны, велики, но формы хорошей, кверху ровно подтянутой. И вся прекрасна она была, с лицом изумительным, с длинными волосами рыжими, Талией узкой, бедрами широкими и ногами, длине которых Венера завидует. Мужья за судьбу женщин таких в городах портовых опасаются, ибо всякое бывает... Вблизи пристаней морских часто их похищают, поскольку прогулку совершает Госпожа обычно лишь в сопровождении молодых рабынь красивых нескольких, Сопротивление захватчикам оказать неспособных, а цена добычи увеличивается От того, что не одна женщина похищенной оказывается, а несколько вместе.

Глава XII, в которой рассказывается об унижениях новой благородной игрушки Крулла

Первое, что Крулл сделать решил, как столь знатная женщина прекрасная пред ним Тело свое изысканное показала, это - унижить ее, к рабыням обычным приравняв Бесчисленным, гильветами захваченными, а для того символа власти ее лишить, Вульвы длинными губами столь необычно украшенными демонстрируемого открыто. Потому руки мановением приблизиться к себе приказал, по грудям пройдя Невольниц-подстилок, а как подошла она, ухватился вождь за губы, висающие Столь низко и гениталиями детскими и мужскими украшенными, и с такой силой Оттянул, что покачнулась женщина, устоять затрудняясь на неровностях живых. Другой рукой Крулл кинжал приподнял, движением одним под корень отсек Губы ее, оформленные столь художественно, и в костер два ошметка бросил, Ибо ни гениталии бальзамированные, ни кольца с цепочками золотыми Не прельщали гильветов надменных, к корысти и красоте безразличных. Закричала пронзительно голая женщина благородная, и от резкой боли жгучей, И от того, что всё могущество ее одним взмахом кинжала Крулла исчезло сразу. Ее нагота ее же положение олицетворяла наглядно, теперь же отличия ее от рабынь Обычных исчезли начисто, любая телом необычным похвальба ее тщетной стала. Простой рабыней красивой она теперь стала, которую использовать можно было, Как прочих всех, чтоб пред следующим набегом развлечься. Развлечений кровавых, Остатки которых на песке лежали, достаточно вполне видела уже она, понять чтобы, Что жизни ей отныне часы в лучшем случае отпущены, не дни или годы никак. Тонкими струйками кровь капала со срезов того, что лишь мгновенье назад Благородство ее определяло, сейчас же стало до нормального размера женского Уменьшено. Втуне сотни дней работы искуснейшей рабов ее пропали, кто лепестки Плоти тонкие формировал и вытягивал, и кто гениталии кастратов бальзамировал. Оттого нагота ее непристойной стала, и, боли и унижения выдержать не в силах, Неблагодарным она отпустила тунику задранную, до колен сразу же упала она. Недоволен этим Крулл оказался, и по знаку его вновь обнажили женщину воины, И, в поясе переломив, над Оотой, все еще наездницей, нагнуться принудили. Не прерывала нубийка ни на мгновение пляску свою анальную на вождя пенисе, Чем одобрение его заслужила, потому приказал Крулл Ооте один из громадных Сосков удлиненных бывшей женщины благородной, рабыни отныне, сосать. Тотчас выполнила нубийка молодая вождя приказ, танец свой продолжая. Будто член мужской сосок взяла она в рот, размеров, до горла достающих, Не смущаясь нисколько, ибо с возраста трехлетнего играл Амура обучалась Прилежно учителями и хозяевами многочисленными всё тело использовать, Рот особенно, тошноту, от размеров больших возможную, преодолевая. Приходилось Ооте многократно куда сложнее работу выполнять, горло заполняя Свое до корня заглотанным пенисом, эрекцией бушующим, огромного мужчины Взрослого, а сосок нубийка по размерам оценила не более двенадцатилетнего Мальчика члена, но мягче намного, и не проталкивающегося в нее настырно.

С интересом Крулл за действиями Ооты наблюдал, ибо с такой отдачей трудилась Она над соском громадным, чавкая самозабвенно при этом, будто не грудь женская У нее во рту была, а пенис настоящий, вот-вот эякуляции обильной ожидающий, Причем не мешало это нубийке анусом своим роль наездницы Крулла исполнять. Отменно обучен ребенок был искусству мужчин ублажения, разрешало ей это Сразу действий несколько независимых исполнять. Сейчас же не могла Оота Себе позволить ни эрекции Крулла уменьшения, ни эякуляции преждевременной, Ибо то иль другое, интерес к ней ослабив, к смерти немедленной привело бы. Потому все игры нубийкой так делались, будто на арене Колизея была она Пред зоркой публикой многотысячной, каждый жест и гримасу оценивающей. Вдобавок ко рта движениям сосательным, руками с грудью Оота заработала, Сдавливая их ритмично и разглаживая, как младенец грудной с матерью делает. Удивившись, почувствовала тут нубийка, как струйка остренькая ей в нёбо ударила. Сосок сразу изо рта вынув, руками еще сильнее грудь сдавливать она стала, И Круллу на струйку белую показывать, демонстрируя, что и у женщины не рожавшей Лактацию вызвать способна, ибо всё, что к ней в рот попадает, эякулирует сразу. Восхитился вождь Ооты мастерству волшебному и одними руками продолжить Доение приказал, чтоб убедиться он мог, сколь девочка искусна в невозможном Волшебного нектара женского добывании, что и исполняться нубийкой сразу стало, Отчего из мест на соске разных десятки струек на лицо и тело Ооты забило. Волосы темные ребенка и тело ее оливковое покрыты быстро оказались молоком, Лишь из одной груди женщины недавно благородной, в рабство свежее обращенной, А как уменьшаться лактация стала, вновь сосок огромный в рот нубийка взяла, Дабы полностью сущность молочную женщины иссушить, на вкус ее познав. "Откуси!", - Крулл неожиданно Ооте приказал. Хоть рабыня новая и не питала О планиде своей иллюзий особенных, но "Нет!" ее оглушительное раздалось сразу, Дернулась она, распрямиться пытаясь, отчего воины крепче схватить ее вынуждены Оказались, чтоб согнутое положение подчиненное сменить не смогла никак. Нубийка десятилетняя по-прежнему в это время на пенисе Крулла извивалась Анусом своим, и сфинктера сжатиями периодичными балансировать заставляла Вождя гильветов грозного лишь на эякуляции приближении, но не оргазме самом. Потому никаких колебаний в отношении рабыни новой не испытывала нисколько. Одним движением резким Оота приказ владельца нового выполнила, плотно Челюсти сжав, и с силой со всей зубы свои острые в основание соска вонзив Громадного. Крулл же, криком рабыни новой возмущенный, могучий удар кулаком В лицо, визг непокорно производящее, нанес, дернуться рабыню назад заставив. Как следствие, сосок свой огромный рабыня сама оторвала окончательно, оставив У нубийки во рту. Усмехнулась Оота, голову чуть приподняв, чтобы смог убедиться Вождь, что липкий кусочек кровотокащий, жирную палочку корицы напоминающий, У нее меж губ сжатых торчит, потом его прямо на тело одной из подстилок сплюнула. Непристойным это действие было, как и всё, что с плевром связано, и показывало Презрение Ооты к той, чье молоко только что пила, сейчас же лишь наложницы Рабыней считаться могла. Показательно такое действие для всего воспитания Нубийки было, где лишь Амуру место нашлось, мораль же отсутствовала вовсе.

Глава XIII, в которой рассказывается о первом убийстве, Оотой исполненном

Получилось у нее так, что ни с кем у Ооты дружеских отношений никогда не было, Ибо знала она только учителей своих и хозяев разных, а целью ее всегда было лишь Собственной жизни сохранение, на иное нечто ни сил, ни времени не оставалось, Разве что по ночам циновку с другими детьми спящими разделять приходилось. Да и владельцев с учителями в Амура играх слишком часто ей менять приходилось, Чтоб привязанности хоть какое подобие возникнуть успело, лишь знаний от них Оота Набиралась, устраивало это ее вполне, и сожалений никаких при смене владельца, Либо ожидания ностальгического возвращения его не испытывала она никогда. Для удовольствия же хозяев и хозяек своих разные вещи делать приходилось, Не только утехами заниматься. И без брезгливости всякой экскременты свежие, Из отверстий владельцев выползающие, поглощать Ооте приходилось, и мочой их Жажду свою насыщать, хоть зачастую не мужчину так она обслуживала, а женщину. Никакого протеста не вызывало в ней и владельцев желание другой рабыне или рабу Вред причинить, лишь бы нубийке самой хуже от того не пришлось. А дважды Ооте По хозяев приказу для развлечения их, самой убийства совершать приходилось, Что с улыбкой прекрасной своей она делала, действием не колеблясь нисколько. Первой жертвой ее год назад девочка девятилетняя стала, с которой Оота спала На одной циновке боле двух месяцев вместе; потому нубийку и выбрали, чтоб видно Было, что ценнее для нее - хозяевам преданность собачья иль дружба, возникшая С ровесницей - не понимали владельцы, что к дружбе неспособной Оота выросла. Вина неразбавленного упившись без меры, в атриуме банкетном тогда хозяева ее С гостями возлежали, как нубийку пред очи свои призывали. Думала она, предаться По обыкновению Амура утехам они с ней хотят, с улыбкой призывной появилась, Маслом розовым свое междунужье смазав заранее, анус узкий в особенности. В атриуме же бревно толстое горизонтально повесили, от пола почти на три локтя Приподняв, к бревну же подружку ее обнаженную спиной привязали, конечности ее Вокруг дерева в обтяжку прихватив. Возможно, провинилась она в чем, скорее же

Для развлечения театрального граждан вольных, вином упившихся неприлично. Раздеться Ооте приказали, потом ей огромный меч боевой воина взрослого выдали, Тяжелый столь, что едва могла нубийка руками двумя от земли его оторвать. Велено же было на ствол висящий забраться, к вульвы губкам подруги своей Острие меча прислонить сначала, а потом на всю оружия длину ей в тело воткнуть. Смех громкий попытка вызвала Ооты с мечом на ствол забраться, ибо перевешивало Оружие ребенка, пока не сообразила она меч сначала вниз оставить, и лишь затем Его к себе подтянуть. Потом же самое сложное для нее началось - слушаться Заставить меч тяжелый, из слабых рук детских выскальзывающий постоянно. Хотя с железом нелегким в борьбе не до того обнаженной нубийке молодой было, Чтобы позы, мужчин соблазняющие, принимать, но наклоны тела ее напряженного, Прелести женские на общее обозрение выставяющие, столь возбуждающи были, Что граждане, за ней наблюдающие, рабынь позвали для ублажения собственного. Не с первой попытки, но приставила, наконец, Оота меча острие меж ног подружки Своей, к вульве ее, от страха дрожащей и мочи струйку произвольно выпустившей. Дальше толкать резко нубийка оружие громадное стала, в органы напряженные Детские, на крики ровесницы, от боли истошные, внимания пытаюсь не обращать. В первый раз убийство совершая, пыталась нубийка возможно быстрее приказ Хозяйский выполнить, чтоб мучения подруги своей уменьшить сколь получится, Хотя и не видела неправильного ничего в действиях своих, ибо не только лишь Указание исполняла, но и рабской жизни трудностей в смерти избавление видела. Уже несколько гостей, с рабынями забавляющихся, оргазма рычанием зал огласили, Оота же никак с мечом непослушным управиться не могла, на пол локтя лишь В вагину подруги своей введенного, далее же во внутренности ее упершегося. Развлечением для хозяина с гостями попытки неуклюжие нагой Ооты стали. С разных сторон меч вдвинуть нубийка в кричащую подругу связанную пыталась, Но попытки ее лишь к тому привели, что от напряженья непосильного вспотела Оота, Искришмя блеском свою гладкую кожу оливковую покрыв. Не хозяева лишь одни, Но и рабыни взрослые, их ублажающие, с восхищением за потугами Ооты следили. Ибо зрелище необычное пред глазами стояло - как девочка нагая девятилетняя, Огромным мужским орудием пользуясь, другую девочку маленькую, обнаженную Столь же, проткнуть насквозь пытается. В шутку рабыни Ооте несколько советов Непристойных дали, один из них - рукоятку меча собственной вагиной опробовать. Наивна слишком нубийка малолетняя оказалась, чтоб юмор беззлобный понять, В предложении этом содержащийся, потому без колебаний на рукоятку огромную Свои гениталии несозревшие, ноги широко раздвинув, натянуть тщетно пыталась, Чем новые смеха взрывы и комментарии новые, прежних непристойней, вызвала. После попыток множества поняла Оота, наконец, как с мечом управиться можно. Для того на живот подружки своей извивающейся уселась, ноги в бедра ее уперев, И руками обеими за меча рукоять ухватившись, к себе орудие тяжелое тянуть стала. Куда легче, чем прежде, меч таким образом в девочку погружать нубийке стало. По движению орудия легкому и по крови, между ног подруги связанной хлынувшей, Поняла Оота, что вагину меч миновал и матку детскую пронзает, а чуть позже Ягодицами под собой почувствовала, как оружие железное через живот проходит. Когда же грудь меч пронзать стал, дернулась девочка, а из горла кровь хлынула. Остановиться Ооте позволили тогда лишь, как орудия рукоятка до губок голых Вульвы жертвы маленькой дотронулась, а лезвие окровавленное почти на пол локтя Из рта ребенка мертвого вылезло. Вздохнула тогда нубийка облегченно, Ибо хозяева и гости в атриуме работу ее нелегкую одобрили благосклонно.

Глава XIV, в которой рассказывается о втором убийстве, Оотой совершенном

Второе убийство Ооте совершить довелось после первого через полгода примерно. Хозяин у нее к тому времени сменился в очередной раз, и греку богатому нубийка Принадлежала. Гости к нему приехали из земель далеких, на восток от Византии Расположенных. Работоторговлей гости эти славились, с товаром большим приехали. Перед пиршеством благосклонность решили гости эти и хозяин Ооты оказать Друг другу; потому, рабынь призвавши для компании увеселения, совокупились Анально все мужчины между собой, расположение взаимное этим демонстрируя, И первое напряжение Амурное сбросив, с рабынями оргии дальнейшей в ожидании. Ибо пиршество каждое, хозяином новым Ооты устраиваемое, длилось обычно Долго - с полудня весь вечер и ночь до утра дня следующего, и не лишь из пищи Поглощения состояло, но из бесед долгих застольных, танцев и представлений Венеры с Амуром различных, рабынями грека многочисленными устраиваемых. Эти же гости с собой много голов товара живого привезли; одной из задач их было Качество этого товара женского покупателю возможному продемонстрировать, Дабы не только он приобретения сделал, но и слух всюду пошел о сокровищах, Коими трое работоторговцев богатых из стран далеких восточных располагают. Несколько десятков товара образцов в залу пиршественную гостями восточными Востребовано было. Необычной красоты рабыни смуглые с черными гладкими Волосами длинными пред взорами предстали, торговцы же истории необычные О родине их рассказывать стали; с открытым ртом небылицы эти Оота слушала. Что якобы хоронят они мертвецов своих, на костре пред тем сжигая, а пепел Оставшийся в реку сбрасывая. И что река эта, которую они Мать-Ганг называют,

Прародительницей всего сущего у них слывет, хоть богиней никакой не является. Что два года путешествие у торговцев заняло, еще год почти - за рабынями охота. Зато с собой привезли они рабынь замечательных более тысячи, и возраста разного, От семи до двадцати лет с лишним. Удивительные рассказы Оота слушала о том, Как короли тех стран дальних для развлечения своего на простолюдинок охотятся, Обнажив их предвременно и от выпущенных диких тигров бежать заставляя. Под утро, как рассказы закончились, грек, Ооты хозяин, решил кулинарией своей Особой похвалиться, для того в пиршестве одну из рабынь экзотических опробовав. Выбор его на танцовщице пятнадцатилетней остановился, смуглой, хоть не столь, Как нубийка; с носом прямым, на римский похожим несколько, но красивей намного. Большие глаза ее темно-карие с бровями тонкими играли в танце прекрасном, Отточенность мимики и движений, долгой учебой достигнутых, показывая, Ароматами трав и пряностей далеких при каждом шаге и повороте благоухая, И мужчин наблюдающих этими ароматами возбуждая сверх всякой меры привычной. Не просто танцовщицей прекрасной, лучше, чем из школ всех известных египетских, Рабыня эта была, акробатике она обучилась с гибкостью сверхъестественной. Страна ее древней очень считалась, и куда цивилизованней царств соседних, - Гость сказал, хоть народов всех языка латинского и не знала танцовщица молодая. Одета же она была в кисею длинную, прозрачную полностью, но из слоев многих, А в танце своем, Амуру с Венерой посвященному, людям невозможные совершенно Действия производила она, то коленом своим шею свою же обнимая, то, кувыркаясь, В такой клубок скрутившись, что где ноги у нее, где голова - непонятно становилось. Движения необычайные делая, раздевалась постепенно рабыня пятнадцатилетняя, Паллу свою благоухающую разматывая, и мужчин лица ею задевая намеренно, Обнажилась же когда, фигуру чудную со всеми подробностями показывать стала. Фигуре же этой, женственности до краев полной, Венера сама могла позавидовать. Грудь ее круглые плотные столь объемны были, что в двух ладонях растопыренных Мужчины взрослого не поместилась бы каждая, талия перемычке часов песочных Подобна, а ягодицы, соком полные, к коитусу анальному желающих призывали - Как с разных сторон и в позах всех себя танцовщица пятнадцатилетняя показала. Хоть сомнения в рабыни цивилизованности нагота ее у нубийки Ооты вызвала, Ибо холм Венеры припухлый ровным треугольником черным покрыт у нее оказался, Из подмышек тоже волосы темные проглядывали, а знала Оота, что не брились Лишь варвары дикие, с зарослями шерстяными на гениталиях немытых ходящие. Закончила танец рабыня пятнадцатилетняя, на столик пиршественный усевшись Пред Ооты хозяином, назад чуть откинувшись, пятки свои рядом с вульвой в бедра Уткнув, а колени в стороны так широко раздвинув, что назад они даже развернулись. Гость же тогда, пальцем на места ее интимные показывая, вид мест этих объяснил. Сказал он, что специально для Амура наслаждений экзотических рабыня создана, Потому вагина расширена до размеров таких, а губы вульвы большие ампутированы, Чтоб при танце подчеркивать лучше малых лепестков вульвы колебания и движения Спазматические вагины отверстия, розовым темнеющего, которым рабыня обучена. Клитор же танцовщицы с капюшоном окаймляющим вместе потому не видны никому, Что вообще нет их у нее, ибо вырезаны сечением фараоновым, в стране той дальней Также известно, для цели той, чтоб рабыня сама при коитусе не могла наслаждения Истинного испытывать, внимание всё, сколь в силах, пенису хозяина своего уделяя. Хоть и восхитился грек, Ооты хозяин, тому, сколь искусно обработаны танцовщицы Гениталии, коитуса наслаждения небывалого обещающие, и запах ее мускусный, Возбуждающий намеренно, сполна обеими ноздрями ощутил, но удовлетворен был Уже совокуплениями многими с рабынями иными, подле него и гостей возлежащими. Потому к планам гастрономическим, на танцовщицу возлагаемым, приступить решил. Повелел грек ей вместе связать за спиной все пальца четыре больших - рук и ног, А к ним вервием единым - колени согнутые и в стороны раздвинутые столь широко, Что пятки рабыни пятнадцатилетней по-прежнему в вульву раскрытую упирались. Другое вервие, более прочное, с потолка спустили и у основания больших круглых Грудей полных девочки смуглой замотали так прочно, что приподнялись соски ее, Грудь же сама потемнела заметно, кровью налившись. Затем за вервие это вознесли Ее над столом на локоть примерно, дабы в воздухе, покачиваясь, рабыня висела. Теперь Ооте, обнажившись, на стол подняться было велено, разделочный нож Острый ей вручили, приказав живот вскрыть рабыни стонущей, на грудях висящей. Никаких колебаний нубийка не испытала, воткнув сразу лезвие острое в верхнюю Часть рабыни живота, и, крики игнорируя, резко вниз ножом повела, плоть разрывая. Немедленно результаты действий ее сказались. Еле в сторону успела нубийка Отскочить, как из гладкой плоти коричневой рабыни беспомощной пятнадцатилетней По Ооты рукам толстая путаница разноцветная кишок раздувшихся и потрохов, Теплом дымящихся, заскользила, на стол с чмоканьем и бойни запахом падая. Хоть гости зрелищу такому не воспротивились, грек гримасу скорчил, отвращение Свое к кишок грудю показывая; вытянуть из нутра и вырезать их велел, после чего На кухню отнести, где использовать для лучших деликатесов мясных приготовления. Не было сложностью приказание такое для Ооты, весьма в животных забое опытной. Достаточно вполне времени нубийка малолетняя провела на кухнях, скотобойнях И залах хозяев своих пиршественных, тоже часто в бойню людскую превращаемых. Разделку внутренностей потому наблюдала порой, и животных, и человеческую. Потому точно знала, что требовалось от нее, готова была к мясника действиям. Тем более мало внутри различий между свиньей иль ягненком, на крюке висящими,

И танцовщицей пятнадцатилетней с животом распоротым, за груди подвешенной. Одно лишь главное - что животные пред потрошением умерщвлялись, рабыне же Потроха для зрителей интереса и развлечения приказано было вживую вырезать. Лишь желудок отсекала аккуратно Оота с кишечником, опасаясь сосуда кровеносные И органы внутренние задеть, ибо смерть рабыни повлекла бы тотчас то, что нубийка На ее месте сразу бы оказалась, ибо танцовщица по грека замыслу до конца самого В живых остаться должна была, дабы планиду гастрономическую сполна испытать. Когда убрали рабы кучу внутренностей, у ног нубийки лежащую, стол пиршественный Промыв, приказали Ооте крупный мяса ломоть с брюшины танцовщицы срезать. Улыбаясь, сказал тут грек гостю своему, что может отведать тот поджарки качество И вкус натуральный женщин своих, из дальних стран экзотических привезенных. Засмеялся гость в ответ шутке хозяина, нубийке же хозяин приказал, со стола сойдя, На огне мяса этот кусок приготовить. В углу залы жаровня стояла, там, на вертел Ломоть насадив, за жарку Оота принялась осторожно, лишь угли используя и огня Открытого избегая, ибо, вырезку испортив, смертью немедленной наказана была бы. Не выдержав долго скворчащих мяса звуков и запах дыма его оценив, велел грек Живота танцовщицы ломоть к нему поднести, обжарки полной не дожидаясь, За столом же, сочный кусок откусив, с гостями мясом готовым дружески поделился - Оценили пирующие молодой человечины, кровью пропитанной, вкус натуральный. Как этот кусок доеден был, Оота новое задание получила - переносной противень Взять, углями пылающими его наполнить, и, под ягодицей висящей танцовщицы Выпотрошенной держа, на ней прямо, еще живой, новое блюдо им приготовить. Выполнено нубийкой новое приказание было, поднесен к столу жаркий противень. Танцовщица же висящая еще стонала в это время, связанная все так же, с ногами, В вульву собственную упирающимися, потому экзекуции новой не могла хоть как-то Сопротивляться или противиться. Впервые, на грудях своих подвешена за которое Она к потолку была, еще выше подтянули, дабы противень разместить удобно. Сколь же удивлены присутствующие были, когда, ягодицами своими жар почуяв, Закричала рабыня распотрошенная, скорчилась и задергалась, на грудях вися, Ибо ожидали, что, хоть жива, сознание давно потеряла и боль не воспринимает. По зале же вместе с криком аромат пошел живой человеческой оленины жарящейся. Поскольку прямо над столом пиршественным еда готовилась, дымом аппетитным Чадя, гости восточные слюну судорожно сглатывать стали, пищи готовности ожидая. Когда же, по грека мнению, прожарились живые ягодицы достаточно, приказали Ооте раскачать танцовщицу висящую, дабы к пирующим тело ее приблизилось. Руками обхватил грек акробатку замученную и, спиной для удобства к себе повернув, Пять мяса ломтей сочных, жаром пышущих, из зажаренных ягодиц ее вырезал. Первый кусок, как принято всюду, себе взял хозяин; опробовав же его, оставшиеся Гостям своим предложил, в наслаждения предвкушении на подушки откинувшимися. Теперь уже исполнено планиду предназначение танцовщицы молодой оказалось, Потому приказал грек Ооте все тем же острым ножом разделочным голову ей отсечь, Для чего на плечи забраться, свой еще вес добавляя к рабыни весу собственному, На вытянувшиеся и посиневшие груди, перетянутые столь крепко, приходящемся. Противень в сторону отодвинув, легко забралась Оота на живое еще тело висящее И ножом к горлу примеряться стала, понимая, что истекло танцовщицы время жизни, До срока, богами установленного, как с рабынями со всеми небом предназначено. Понимала нубийка, что не понимает латыни рабыня страны дальней, но ей шепнула. Шепнула же в ухо самые слова успокоительные, из самого сердца своего исходящие. Сказала ей, что богов благодарить должна танцовщица за то хотя бы, что дерьмо Свежее, из хозяев выполняющее, не заставляли с улыбкой благодарной вкушать ее, Ибо сохранить экскрементами не окверненной хотели для своей пищи собственную. И со словами этими успокаивающими со всей силы движением быстрым и резким Перерезала нубийка горло танцовщицы экзотической, дабы смерть ее быстрее Пришла, без мучений лишних, обнаружив, правда, что трудней куда перерезать Хребет спинной, чем ей раньше казалось, на мужчин, невольниц убивающих, глядя. Все же, кровь льющуюся игнорируя, довершила Оота действия свои, и, на плечах Тела безголового сидя, триумфально подняла высоко голову красивую танцовщицы Пятнадцатилетней, не считая отнюдь, что преступление какое-либо совершила, Ибо для гостей развлечения пиршественного по приказу хозяина своего убивала. В ту же ночь и сама Оота предназначалась для развлечения кровавого, должна она Стать была представления жертвой - большого медведя специально обученного Совокупление с нубийкой намечалось, что неминуемо смертью рабыни кончалось, Ибо в оргазма момент самый сжимал медведь зубы на горле партнерши своей. Связана Оота уже была и залы посреди коленями на скамью мраморную поставлена, Чтобы голова в скамью упиралась, а ноги и ягодицы в стороны разведены широко, Медведю удобство предоставляя к коитусу для нубийки последнему и смертельному, А зрителям пространство рабами, зверя сдерживать обученными, надежно огородив. В ночь эту темную пираты на острова побережье высадились, свой набег совершая На грека владения, все его богатство захватив, рабынь в том числе, которых продали Затем на аукционе владельцам новым. Понимала, конечно, при этом Оота - спасена Жизнь ее молодая временно, никто не может рабыни безопасность гарантировать. Но в зале той пиршественной очень малое время от смерти ее отделяло, ибо спущен С цепи медведь уж был, к нубийке подпущен, задачу свою понял и большим языком Слюнявым начал ее вульву вылизывать. Когда же, охрану убив, пираты ворвались В залу, начал уже медведь на спину Ооты забираться, пенисом ее ягодицы задевая.

Большую добычу захватили тогда пираты - драгоценности; рабов много; рабынь И хозяйственных, и для Амура потех воспитанных; животных диких множество. Оота же с другими рабынями малолетними на аукционе была хозяином куплена Новым, ее в дом не взявшим, а лишь для услады других рабов использовавшим. Оскорбляло это нубийку, ибо не к такому к себе отношению приучена была, когда Раб любой, грязный самый и старый право полное имел в любой момент взять ее Способом самым разным, причём все знания ее по пенисов мужчин ублажению Напрасными оказывались, ибо потребности у рабов в навыках ее никакой не было.

Глава XV, в которой рассказывается о принуждении благородной женщины к унижительной мастурбации прилюдной

Потому после испытаний таких и восприняла Оота планиды своей поворот крутой Спокойно вполне, жалости и сострадания к хозяевам ее прежним не испытывая Никакого, хоть и понимала, что новое испытание многожды опасней прежних ее Оказывается, и, смерти ожидаемой помимо, от варваров мучения может ей принести. Теперь же, отверстием своим анальным пенис Крулла, гильветов вождя, ублажая, Улыбнулась Оота, тем уж довольная, что предельно унизить сумела женщину, Только недавно благородной считавшуюся, ныне же варваров рабыню, с соском, Нубийкой откушенным и позорно на тело вождя одной из подстилок выплюнутым. Женщина же нагая благородная с глазами, выпученными испуганно и дрожа стояла, Ибо до того Крулл собственноручно губы большие вульвы ей отсек и в костер кинул, А только что Оота сосок откусила и плюнула им презрительно. Сейчас же из груди Поврежденной кровь толчками выплескивалась, частое биение сердца показывая. Понимала пленница - если на пытки к гильветам - варварам беспощадным попала, Только смертью может ее испытание закончиться, лишь в том вопрос, быстро ли Наступит она, и что ей еще перенести придется. А эти пытки для нее уже начались. Подтолкнули ее, чтоб навитьжку с ногами расставленными пред Круллом встала. Как в капкан пойманное животное беспомощное стояла она, мелкой дрожью дрожа Пред вождем, на живые подстилки свои откинувшимся. Ооте тогда Крулл сказал, Дабы возвратила нубийка невольнице громадный ее сосок только что откушенный, Оота же приказ решила без рук помощи выполнить, чтоб вновь тем рабыню унижить. Потому меж зубов зажала тогда Оота огрызок окровавленный, размером с палец Мужчины большой, и шею в сторону рабыни вытянула, не забывая при том скакать По-прежнему на вождя пенисе, ибо тот уже меч короткий приготовил, дабы снести Голову нубийке, если, вытянувшись неосторожно, коитус Крулла хоть чуть прервет. Приказ получив, с ужасом и дальнейших испытаний опасением на кусочек глядя Тела своего, осторожно руку взрослая невольница протянула и из губ ребенка, Над ней издевающегося, вытянула свой сосок откушенный. Крулл же в унижений Дополнение велел ей огрызок себе в отверстие анальное возможно глубже засунуть. Со стоном отвращения приказ она исполнять стала, средний палец, длинный самый, Как поршень используя, на всю его длину огромный сосок в свой анус введя глубоко. Унижением осознанным для женщины благородной это потому было, что до сих пор Лишь рабыни ее деньги в заднем проходе носили, госпожу с покупками сопровождая. Монеты самые ценные и золота самородки в кошель смазанный для того помещали, Нитью длинной перевязанный, а кошель тот для сохранности - в анус или вагину, Но лишь в рабыни отверстие, ибо способы любые женщины самокасания считались Мастурбацией презренной, чем никогда не занимались римлянки благородные. Всякий раз, как желание чувственное у нее возникало, либо свое положение хотела Высокое показать, к услугам рабынь, специально тому обученных, она прибегала. Для того одна из услады рабынь на короточки становилась, римлянка же благородная Ей на спину усаживалась, назад далеко отклонившись и ноги свои раздвинув широко. Другая же рабыня на колени становилась и клитор ее ласкала, анус, а также вульву, С губами удлинёнными, столь богато украшенными пенисами бальзамированными. До тех пор ласка рабыней продолжаться должна была, пока римлянка благородная С визгом и наслаждения криками в оргазма конвульсиях сладостных не забьется. Не только в домах женщин знатных при гостей приеме обычной сцена такая была, Но и на улицах, площадях городов многих портовых, особо, если хотелось женщине На чужестранца красивого впечатление страстностью своей произвести, хоть и иные Прохожие порой застывали, удовольствием наслаждаясь, ею от рабынь получаемым. Помимо же рабынь, усладой непосредственно занимающихся, всегда она брала На прогулку с собой еще пару рабынь малолетних, специально тому обученных, Чтобы в собственных отверстиях нижних четыре пениса искусственных нести, Согревая их при этом и увлажняя игрушки благородные своими соками женскими. Обучение же рабынь этих малолетних в том заключалось, что вводить непросто В узкие и короткие отверстия детские - Амура игрушки, размерами для женщины Искушенной и взрослой предназначенные, а при ходьбе тем более натиралась Вагина маленькая рабыни и сфинктер ее, Венеры упражнениями еще не растянутый. Но как привыкали они, то носили всегда в себе эти игрушки в готовности полной Хозяйку ими ублажить, когда та вблизи таких людей видела, на которых впечатление Венеры страстностью произвести хотела. Сцены такие, когда женщин с полдюжины Состоятельных на спинах рабынь малолетних сидят и на рынке в диковинку не были. В центре площадей больших городов портовых тоже зачастую близ друг от дружки

Матроны, откинувшись, ласки малолетних рабынь принимали - языков их, и пенисов Искусственных, кулаков даже, в вагину введенных, с наслаждения визгом до оргазма Доводящих, лишь краем паллы междуножье свое с рабыни головой вместе прикрыв. Важным ритуалом жизни светской это являлось, ибо прохожие сравнивать могли Различных женщин благородных из семейств разных в страстности их. А чтобы Попытки оргазма фальсификации исключить, матроны с собой рабов-мужчин брали, Обученных специально, задачей которых было за хозяйки соперницами следить. Если же обман наблюдателями наверняка обнаруживался, когда женщина почтенная Представление оргазма своего публичного при зрителей скоплении симулировала, Позором это для матроны становилось, ибо во всех домах богатых смеялись тогда Над обманщицей, и не было боле ей места на пиршествах в обществе знатном. Прикоснуться же к себе в местах, Венерой определенных для наслаждения женского, Ниже достоинства благородной считалось, ибо этим она к рабыне приравнивалась, Для того и предназначенной, ибо ниже пояса самокасание мастурбацией считалось Презренной, лишь тогда допустимой, когда никаких рабынь женщина иметь не могла. Жестоким и необычным наказанием считалось это принуждение женщины богатой - При наблюдателях публично мест своих интимных коснуться. Лишь за прегрешения Самые существенные, измену, например, открывшуюся, муж жену свою так унижить Мог, и ранее надеялась женщина, что никогда в жизни подобный опыт не обретет. Потому и столь удовлетворен был Крулл, когда сумел столь сильно оскорбить ее, Заставив собственноручно в собственном отверстии анальном глубоко ковыряться. Легко и охотно коитусу вида любого предалась бы она с мужчиной, вождем особенно Всевластным, совокупление с которым мужу изменой во все времена не считалось. Ибо ласки, мужчине отдаваемые, целью женщин всегда были, теперь же принуждена Она была пред малолетней рабыней темнокожей позорно мастурбировать, этим себя До ее положения низводя. Усмехалась на это женщине ответно Оота, ибо понимала Прекрасно сущность унижительную действия, у нее на глазах сейчас происходящего. Сама же нубийка почувствовала тут, что пенис огромный Крулла, на ее детский анус Наколотый, расслабляться немного стал, что недопустимым она посчитала исходя Из обучения своего амурного, а главное же - для жизни собственной сохранения, Потому наездницы подпрыгивания свои сильней сделала, сфинктер в такт сжимая. Оргазма в своей жизни короткой нубийка по малолетству не успела еще испытать, Но теперь возбуждаться немного стала, на унижение благородной женщины глядя, Такой же, как хозяйки ее бывшие, но мастурбировать принужденной, а это редким Удовольствием для Ооты было, ибо правосудие божественное восстанавливало. В том правосудие хотя бы, что в царство Плутона от рук гильветов та должна была Не как матрона благородная теперь попасть, а лишь как рабыня низкорожденная. Крулл, на матрону глядя, сосок собственный в анус заталкивающую, Ооту схватил За шею тонкую и качать ребенка стал на своем пенисе, эрекцией забушевавшем. Немедленно нубийка ответила на вождя движения, всё свое играм Амура обучение При этом использовав. Еще сильней скакать на нем стала, ноги для упора в тело Одной из Крулла подстилок уткнув - в Венеры бугор и в горло. Оттого, помимо упора, Ноги Оота смогла раздвинуть широко, детскую вульву разверстую вождю показывая. Нубийки возбуждение, сфинктера ее жимы ритмичные в такт пенису его огромному, Движений структурой коровы доение напоминающие, на мгновение вождя отвлекли От рабыни мастурбации насильственной, ибо почувствовал Крулл, что тестикулы его Тяжестью свинцовой наливаются, эякуляцию, вождя улаждающую, предвещая. Решил Крулл, что маленькая девочка темнокожая боле игрищам Венеры с Амуром Обучена, чем детишки все, с коими он совокуплялся когда-либо, а сотни их вождь Изнасиловал. Потому, оргазмом со своим одновременно, подарок собрался сделать Ей, жестокою смерть женщины благородной, нубийке столь ненавистной, показав. Двум воинам приказал вождь вниз головой рабыню, пред ним стоящую, перевернуть, Одному держать левую лодыжку с запястьем, другому - правую, ноги ей раздвинув Так широко, что еще чуть, и оторвались бы они, зато нараспашку вульва ее открытая Прекрасную цель представляла длинному Крулла кнуту, из рабынь сделанному.

Глава XVI, в которой рассказывается о кнуте Крулла, из сухожилий рабынь изготовленном, и его использовании

Кнут этот чудовищный не был отнюдь обычным орудием, для наказания рабов Служащим, ибо сделали его из сухожилий, от поясницы до ступней проходящих, Тридцати рабынь высоких очень, причем сухожилия эти срезались с них С мясом вместе тогда еще, когда живы они были, материал этот поставляя. Впрочем, в тот раз и остальные части красивых женщин этих, в плен захваченных, Впустую не пропали, ибо груди их и вульвы щиты воинов Крулла кровавых самых Украсили перед схваткой следующей, что преимущество перед врагом им Предоставляло, ужас безграничный внушая, как понимали только, что на щитах. Ибо от щитов таких украшенных в ступор при виде гильветов соперники их впадали, От чего варваров разъяренных мечи безнаказанно противников своих расчленили, Добычу богатую, рабов и рабынь в том числе, добывая. Женщины же, материал Для кнута этого поставившие, всеми тела частями в тот раз использовались. После того, как всё, гильветам потребное, с невольниц этих срезали, каждую еще По несколько раз изнасиловали, что особо приятно было, ибо не только ноги

До пояса перерезаны были, но и вместо вульвы лишь месиво кровавое оставалось. А это удовольствие небывалое доставляло, глубоко пенисом входить позволяя. Потом же, от боли стонущих, но в сознании еще, выпотрошили их и зажарили, Живых, конечно, и кричащих - на кострах, в честь победы над врагом разожженных, А затем съели полностью, даже с лица щеки срезав, кости полностью обглодали. Зато каждому по мясу куску досталось, и воину сильному, и мальчику несозревшему. Пиршество закончив, за сухожилий обработку гильветы принялись, еще до того С пленниц живых срезанных, как грудей и гениталий они лишились, на украшение Кратковременное щитов пошедших. Для того узкие жилы эти длинные, очистив От мяса оставшегося аккуратно, несколько дней на солнце горячем сушили бережно. Вслед за тем сухожилия завялившиеся рабыням передали, дабы, не перекусывая, Жевали они их, от чего жесткие плоти куски смягчались. После того разъединили Жилы и по одной в шары небольшие свернули, шары же эти в рабынь-кобылиц Вагины своих внутрь глубоко поместили, чтоб десяти дней не меньше в себе носили. Время все это, пока сухожилий шары рабыни в себе держали, регулярно гильветы Юные по очереди коитусом безудержным с ними занимались, дабы вагины кобылиц Всегда влажными оказывались достаточно, ибо постоянно заполнялись до отказа Спермой варваров молодых, да и соками женскими, против воли выделявшимися. За десять дней вагины теплая среда влажная, в которой кнута сырьё человеческое Находилось, смягчала его достаточно, дабы оружие прекрасное сплести мастерицей, Одной из кобылиц тех же, но в почете некотором за искусность свою у гильветов Находящейся, и потому на себе не столь много унижений рабских испытывающей. За лет прошедших несколько с тех пор, как из женских тел кнут изготовлен был, На упругой плоти многих сотен и сотен пленников и пленниц, от боли кричащих, Крулл испытал его, и теперь замечательного мастерства достиг в пользовании Орудием, даже по виду устрашающим, ибо в длину он двадцать локтей превышал. Столь Крулл с орудием этим управлялся хорошо, что нисколько не помешала ему Голая темнокожая нимфа десятилетняя, на пенисе взбухшем его анусом своим, Долгими тренировками разработанным отменно, скачущая, и, к вождя соблазну Пущему, колени перед его лицом разведя распутно, для чего назад откинувшаяся. Потому, пенис из Ооты не вынимая, без помех мог Крулл стегать кнутом своим Рабыню нынешнюю, недавно совсем еще женщину благородную, которую воинов Двое вниз головой на весу держали, ноги ей широко растягивая и удобству вождя Раскрытую вульву ее предоставляя, от ампутации губ больших кровоточащую. Первый удар кнута этого чудовищного двойным ударом по вульвы краям обоим Пришелся, как раз по мясу, после губ отрезания обнаженному, самым же кнута Концом острым - по полной груди центру, соска лишенной. Удара след полосой Багровой по телу всему взбух сразу, посредине же полосы крови капли выступили. Завопила истощенно женщина, понимая, что лишь первый удар получила из многих, К смерти должностную ее привести. Почувствовала она, что Крулл до того ее Доведет ударами своими, что в мыслях своих и криках сама о смерти скорейшей Умолять будет, не в силах боле столь болезненного наказания такого переносить. Не такую, конечно, но и раньше порку на себе испытывала она. Но от мужа лишь. Не за провинности случалось это, а для того только, чтобы показать он мог ей И гостям своим, что собственностью она его является, хоть свободной считается. Перед тем в залу пиршественную муж ее звал, и обнажиться самой приказывал. Гости, мужем ее званные, во всех подробностях оценить могли тело дома хозяйки, Преобразованное столь великолепно - соски вытянутые и вульвы губы удлиненные, К ним прикрепленные на кольцах и цепочках золотых пенисы бальзамированные, А уж после того к колонне центральной в зале руки и ноги ей привязывали крепко. У сановников приглашенных на глазах муж тогда плоть брал, и хлестал жену свою, Полное ее подчинение показывая, ибо права не имела она о снисхождении просить. Забавным украшением вечера званного представление было, но более важной цели Служило - властью полной над такой женщиной великолепной свою мощь показать. После представления такого в обществе высшем известно всем становилось мужа Ее положение фактическое, властью над женой не в малой мере определяемое. Но плоть, которую муж использовал, демонстративной все же была, ибо хоть полосы Болезненные багровые и наносила, но боле никаких повреждений не причиняла. Крулла же кнут, из женщин изготовленный, к убийству женщин и предназначался - Поняла это прекрасная женщина благородная, ныне же рабыней ставшая, и внешне, И по положению своему. По ударов силе и количеству понимала она, что теперь, В отличие от мужа домашнего наказания привычного, вождь ее до смерти забивал. Тело женское чувствительное, от ударов извивающееся, вниз головой в положении Орла с крыльями разверстыми удерживалось, роль же крыльев ее конечности Исполняли, в разные стороны двумя сильными воинами растянутые. Знали воины Вождя своего привычки и понимали, что умереть должна она для их наслаждения.

Глава XVII, в которой рассказывается о двух кровавых игрищах, проходивших рядом с костром Крулла

Одновременно с тем, как Крулл своим кнутом чудовищным женщину благородную, С вульвой, перед ним воинами растянутой, до смерти избивал, с его костром рядом Совсем гильветов группа новое представление устроила, использовав для того

Жеребца большого и красивую девочку тринадцатилетнюю, пред тем ее обнажив. Девочки левую лодыжку к хвосту жеребца привязали, а правую - к тестикулам его. Жеребца отпустив, хлыстом его стегали, дабы галопом поскакал, помеху почуяв. На дыбы он сразу встал, в стороны прыгая, на месте крутясь и копытами задними. Из всех сил лягаясь, в ярости от груза привязанного и свободу обрести в надежде. Удары свирепые ног его задних непрерывные каждый раз по девочке привязанной. Приходились, от чего дергалась она, его тестикулы оттягивая, и большую жеребцу. Боль еще причиняя, новые удары ужасные в свою очередь по девочке вызывающие. Сначала лишь ноги раздроблены у нее оказались, затем живот насквозь прорван. По всему девочке телу копыта эти ужасные ударяли - по животу опять, по груди, Самые же сильные по вульве и ягодицам приходились, ибо ноги ребенка широко. Раздвинуты были, удобство животного копытам предоставляя. Засмеялись гильветы, Когда один удар точно под основание груди пришелся, подпрыгнули сразу груди обе. Тут и удар копыта второго точно в то же место пришелся, опять под груди основание. Оторвалась грудь, под гильветов вопли восторженные на песок упала. Кричала же Девочка непрерывно, однако, когда под жеребца копытами конечности отрываться. От нее начали, замолчал ребенок истязаемый, от боли бушующей сознание потеряв. В один из моментов зрелища этого кровавого копыто по вульве ударило, ткани все Прорвав, и внутри застряло, в матке детской. Дернулся жеребец, вырвать пытаясь Из тела девочки ногу свою. Лишь тогда это у него получилось, когда копыт ударами. Сумел ей живот столь разорвать, что внутренности на песок вываливаться начали. Удар новый руку ей до локтя снес, нижнюю челюсть - следующий, голову - другой. Скоро все части девочки, в клочья разорванной, берег усыпали. Когда жеребец вдаль Ускакал, лишь две ноги ее, от туловища отделенные, на животном остались - одна К хвосту привязанная, другая к тестикулам, подпрыгивали ноги при жеребца галопе. Столь восхищены были варвары представлением этим удавшимся, когда от оргий Пресыщенности, Амура игр не желая более, жизнь пленниц многочисленных можно Лишь для игры кровавых использовать, что новую жертву настроению своему Принести решили, лошадей для того используя тоже, но не жеребца, а кобылу. Пленницу же для представления очередного из очень небольшого числа женщин Беременных отобрали. Молода она была еще вовсе, не более годов шестнадцати, Но на сносях уже, последний месяц вынашивания пошел. Как донага обнажили ее, Громадный живот с темной полосой вертикальной вниз от пупка гильветы увидели. Груды у нее налившиеся были, твердые, а соски увеличились заметно, и уже ореолы Коричневыми стали. Понимала пленница, что для пыток отобрали, потому от испуга Соски набухли сразу и затвердели. Плоду, выношенному почти, страх матери своей Будущей тоже передался, понял он, что жизнь его, не начавшись, к концу подходит. Оттого в утробе зашевелился плод, конечностями дергая, варвары же смеялись, Пальцами показывая на выпучивания периодические в разных местах живота ее, С усмешками ладонями похлопывая по нему и по вульве ее, вполне подготовленной К родам уже, отчего большие губы в стороны разошлись, наружу малые пропуская. Кобылу для игры новой выбрали ожеребившуюся только что. Потому кости тазовые У нее на место еще не встали, а петля в щель не затянулась и темной дырой зияла. В дыру эту голову пленницы и засунули, руки ей к кобылы хвосту привязав, дабы Гарантировать, что не сможет пленница из вагины животного голову свою вытянуть. Кобылу отпустив, на поводе длинном оставили, чтобы гильветы, игру затеявшие, Наслаждаться могли видом беременной пленницы задыхающейся, голова которой В кобылы вагине надежно захоронена, а тело всё остальное, снаружи пляшущее, Ударам копыт подвергалось, ибо освободиться животное от помехи старалось. От того, что на дыбы кобыла вставала, от боли ржа, от копыт ударов, в степени Значительной по пленнице животу огромному приходящихся, вскоре младенец Показался, из отверстия родового выходящий, но, как голова его на свет вылезла С плечами из вагины, раскрывшейся широко, тоже целью копыт ударов послужила. Младенец, родившийся наполовину лишь, сразу же руку потерял, ногой животного Оторванную и в сторону отброшенную, ударом следующим челюсть его сломалась, Третий же - в головку пришелся, череп разбив, и мозги младенческие по берегу Раскидав, что восторга варваров беспощадных ревом неописуемым отмечено было. Когда же мать ребенка полурожденного, молодая еще совсем, умерла, непонятно Зрителям сцены этой было, ибо тело ее девическое, от бремени разрешающееся, Но обнаженное неприлично вовсе и с головой, в вагине животного захороненной, Болталось беспорядочно в стороны разные вслед за кобылы прыжками неуёмными. Чтобы представление интересней сделать, плетью гильветы лошадь и пленницу Хлестали, отчего еще выше прыжки животного становились, а копыт удары сильнее. Выпал ребенок из женщины, наконец, за ним пуповины шнур запутанный с последом К земле потянулся, кнуту толстому подобный, меж ног ее разверстых вложенному. Копыт удары очередные пленнице по телу ударяли, по грудям, всплесками молока Фонтанирующего отзывающимися тотчас, ноги ей переломали в местах во многих. Подобно тряпичной кукле болтающейся, костей не имеющей, пленница тогда стала, Ибо тело ее вслед за лошади прыжками извивалось, в частях разных складываясь. Лошадь же, в безумстве от предмета инородного, в нее помещенного, с привязи Сорвалась, ударами жестокими к тому времени пленнице ноги в бедрах оторвав И живот перемолов, отчего из-под хвоста животного убегающего лишь верхняя часть Торса женского торчала, а из него след внутренней по песку грязному струились. Оота же, анусом своим Крулла пенис убажывая все время, дрожала от зрелища, Страх испытывая и возбуждение одновременно, ибо видела, что от женщины

Остается, вагиной животного пойманной. Кобыла же в панике бежала, крупом И ногами задними взбрыкивая все время, копытами тело калечить продолжая. Оттого по частям многим пленницы торс разорвался, лишь руки, к хвосту надежно Привязанные оставляя, и шеи пень окровавленный из вагины животного торчащий. Кобылы гениталии склешились вокруг обрубка шеи оторванной, пленницы голову Отделенную надежно в утробе животного упрятывая, на четверть суток, не менее. Лишь через этот срок лошади матка ослабится, и, напрягшись, предмет удаляя Чужеродный, кобыла головой человеческой ожеребится. Зрелище такое забаву Новую гильветам любопытным обеспечить должно, потому животное изловили, Привязав крепко, дабы момента невольницы молодой головы рождения не упустить.

Глава XVIII, в которой рассказывается об убийстве благородной женщины и шести молодых рабынь

Оота время это всё сфинктер свой сжимала периодически в такт своим и Крулла Движениям, стараясь возможно боле улады вождю могущественному доставить. Сейчас же вперед выгнулась, телом своим темнокожим на живот его плоский ложась, Руками соски его поглаживая ласково, и головой в грудь его массивную уткнувшись. В положении этом вульва ее детская, несформировавшаяся еще, губками своими Покалывание чувствовала прижатых к ней твердо завитков черного кустарника его, Огромный пенис окружавшего. Нравилось ей покалывание это, ибо сама по возрасту Малолетнему неспособна еще была никак волосы на Венеры бугорке отрастить. Боле же тем возбуждало ее покалывание это, что мощь необычную показывало Варварского хозяина ее теперешнего, обладающего ее анусом столь небрежно. Ибо дикарство властителя тем уже демонстрировало, что не желал сбривать он Растительность свою могучую, позволяя ей без помех во весь рост увеличиваться. В странах же всех цивилизованных, у хозяев всех, с коими до тех пор дело нубийка Имела, кожа лишь гладковыбритая ухоженная пенис окружала, что ощущение скорее Поцелуя давало ей, нежели нынешнего насилия жестокого. Покалывание это вконец Удостоверило, что в действительности игрушкой покорной в Крулла руках является. Что Оота - лишь рабыня для любых Венеры потех, и роль ее - выложиться до конца, Наслаждение хозяину доставляя, кто бы ни был хозяином этим. Самых любых потех, И те включая, которые к смерти ее приводят, лишь бы владельцу своему угодить, Хоть и понимала при том, что испугается жизнь потерять, избежать это попырует. Но при том знала нубийка, что за жизнь ее борьба, ужас ее перед смерти лицом, И агония предсмертная лишь наслаждение хозяину добавит, как время ее придет. Ныне же время жизни не для Ооты пока оканчивалось, а лишь для рабыни, коя ранее Была женщиной знатной, а сейчас вождем смертельным ударам кнута подвергалась. Того кнута, что из сухожилий рабынь сделан был, а ныне по вульве разверстой бил. Бил, нубийку с себя не ссаживая, из положения лежащего, однако в цель попадая. Резко закричала пленница, когда кнут тот убийственный в месиво превратил Гениталии, покровы прорвав, и из утробы открытой потроха ее вываливаться стали. Закричала, но замолкла быстро, сознание потеряв, отчего Крулл интерес потерял Всякий к порки продолжению, и воинам, ее за конечности держащим, приказал Тотчас пленницу в костер переложить, что и выполнилось ими незамедлительно. Но от жара полыхающего вновь пленница очнулась и воплями берег весь огласила. Грудь ее налитые, подкожным жиром человеческим наполненные до распираения, Расплавившись и полыхнули огнем ярким сразу, с волосами вместе, сама же она, Пытками предыдущими измученная, не способна была сама хоть как-то положение Свое изменить и из тартара сверкающего, в который брошена была, выползти. За волосами и грудями вслед остальная плоть ее скворчать начала и гореть в костре Жарком. Обычным топливом она стала и тело ее уподобилось бревнам обычным, Рядом с ней в покое лежащим, и пламенем своим темноту вечернюю разгоняющим. Пленница же, в огне сгорающая, на новые игрища вечерние варваров вдохновила. Игрища новые эти жестокие, к смерти мучительной жертв неминуемо приводящие, Постройки некоей примитивной требовали, как задумывалось. Но гильветы-воины Обыденными работами, со сражениями не связанными, не занимались, брезгуя, Для дел позорных лишь ко всему готовых невольниц-кобылиц своих используя. Под воинов присмотром собрали быстро кобылицы, строительным делам обученные, Постройку, из длинного бревна состоящую, горизонтально над землей установленного В десятке локтей, и треногами бревенчатыми с обеих концов прочно удерживаемого, Другие же гильветы из загона женского полдюжины молодых невольниц пригнали. Обнажили невольниц воины, в круг собравшиеся, стати их рассмотрели внимательно И ощупали подробно, ибо важную роль женщинам сыграть предстояло - варваров Танцем смерти своей развлечь. Проста игра эта была очень и лишь в том состояла - Шесть вервий прочных поверх бревна поднятого забросили, и шесть петель связали. Каждую петлю на голову рабыне молодой надели, затянули аккуратно, после чего Так вервия выбрали, что лишь пальцами ног самыми кончиками могли невольницы До песка дотягиваться, иллюзию себе создавая, что могут они на цыпочках устоять, После чего вервий концы свободные к кольям, прочно в землю вбитым, привязали. Конечности женщин молодых обнаженных при этом гильветы свободными оставили, Не связывая им руки и ноги, дабы на невозможные, но интересные любоваться Попытки их тщетные петлю распустишь, или на песок, близкий столь, встать твердо, Танец смерти лихорадочный перед зрителями, на потеху жадными, развернулся тогда. Ибо в попытках о землю вождемленную опереться рабыни прекрасные ноги непристойно

Задирали, при этом все места интимные - вульву разверстую и анус сжимающийся - В движениях, о скромности не заботящихся, взорам жадным гильветов показывая, Руками же, ногти срывая, при этом узел петли хоть как-то ослабить пытаюсь напрасно. Но танец их бесстыдный лишь к тому приводил, что туже еще петля затягивалась, Артерии в девичьей шее стройной пережимая, и крови поток в мозг сокращая резко, Отчего их лица испуганные постепенно темно-красными становились, глаза же из орбит Вылезали, а крики, громкие поначалу, лишь в хрипение приглушенное превращались. С хрипением этим одновременно у всех шестерых сразу мускулатура расслабилась Уринальная, поскольку же крутиться продолжали они во все стороны на вервях, Ноги свои задирая, то толстые струи мочи горячей, зрителей веселя, тоже полились Во все стороны, и друг друга поливая, и варваров в сторону отскочить вынуждая. Столь много силы жизненной, богами посланной, в невольницах молодых оказалось, Что никак не соглашались они борьбу, проигрышную заведомо, прекратить и в царство Плутона добровольно отправиться, гильветы их уже и вниз за груди подтягивали слегка, И мечами щекотали, девочки же всё никак не желали танец смерти свой прекратить. Уж тени, солнцем заходящим отбрасываемые удлиннились заметно, как пленниц висящих Движения замедлились, лишь изредка одна из них руку или ногу приподнять пыталась, Но до конца жест довести не могла. И с тем одновременно управление они теряли Одна за другой над сжатым сфинктером своим и контролем желудка отправлениями. Шумно гильветы приветствовали это танца смерти окончание, когда из отверстий Анальных нагих рабынь молодых, на вервях покачивающихся, испражнения жидкие Вниз по ногам их стекали. Оота же, по-прежнему на пенисе Крулла сидючи, в восторге Восхищения визжала от прилюдной - пред мужчинами - дефекации столь непристойной. Трое воинов закончить тогда решили представление это, затянувшееся сверх меры. По очереди к каждой из пленниц висящих, живых еще, они подходили; двое за ноги Брались, в стороны их разводя, третий же меч длинный - в два локтя - со всей силы Снизу в вагину ее разверстую всаживал, один ударом до рукоятки в туловище загоняя. Когда же лишь тела безжизненные висеть остались, с кровью, по ногам загаженным Льющейся, сняты эти тела были, для чего мечом тем же шею им под петлей ударом Меча единственным перерубались. Возбудилась Оота сверх меры всякой зрелищем Насилия жестокого, и опасно сверх меры темп прыжков на пенисе Крулла увеличила. Но поняла нубийка сразу, что с огнем, ее самое спалить могущему, играет, ибо недавно Лишь неудовольствие в газах вождя видела, когда он, также как сейчас, от прыжков ее Близок к оргазму преждевременному оказался, потому замедлилась сразу, дабы Ооты Голова рядом не оказалась лежащей с головами рабынь, только что умерщвленных.

Глава XIX, в которой рассказывается о четвертовании красавицы черноволосой, первой из четырех женщин к Круллу приведенных

Зрелищем пресытившись детишек, в петле для гильветов улады смерти исполняющих Танец, Крулл повелел грозно для игрища нового зрелых женщин привести, с формами Развитыми, пока же одну из невольниц-подстилок под ним сменить, ранее задушенную, Ибо остывать она стала, вождя спине этим неудобство мертвечины холодом доставляя. Пока одни воины, приказание вождя исполнять кинувшиеся, новые жертвы для забавы Смертельной отбирали, другие варвары подстилку мягкую привели и, обнажив, Круллу Со всех сторон показали. Доволен он остался телом ее пышным, и, Ооту не ссаживая С себя, спину прогнул, дабы мертвую подстилку из-под него вытянули и в костер бросили. Новая же подстилка быстро в пространство освободившееся проползла и, ноги раскинув Широко, улеглась, живот свой мягкий и груди налитые удовольствию вождя подставив. Как и остальным подстилкам, спину Крулла согревающим, кинжал ей неглубоко в вагину Воткнули, дабы движением своим нечаянным она вождя уладу и негу не потревожила. Тем временем воины, на поиски героинь игрища нового посланные вернулись, с собой Приведя четверых невольниц белокожих, прекрасных красотой зрелой, лишь окончанием Второго десятка лет достигаемой, и, в страхе пред испытаниями грядущими, дрожащих, С глазами широко раскрытыми, причем, торопясь, не успели еще воины их обнажить. Когда же, знаку вождя повинувшись, скинули гильветы с пленниц паллы и туники, увидели, Что из женщин приведенных одна беременной оказалась, хоть и не видно этого сначала Было под одеждой ее широкой. Не на сносях еще, но за вторую половину беременность Ее перевалила заметно, месяцев на семь, ощутимо живот округлив и соски затемнив. Однако для испытания первого не ее Крулл выбрал, а красавицу черноволосую с талией, Часам песочным подобной и большими грудями полными с сосками бледно-розовыми. К запястьям ее вервья привязали - те же, на коих подруги ее, молодые более, качались, Вервья же эти через бревно горизонтальное перекинули и натянули, руки ей приподняв. Руки ее вверх вытянулись напряженно, тело всё поддерживая, ибо длину вервья такой Оставили, что лишь на самых пальцах ног стоять она могла. Однако положение женщины При зрелище этом прекрасном наблюдателям возможности не давало любоваться Частями всеми вульвы ее зрелой, лишь выбритый начисто Венеры бугорок показывая. Потому лодыжки ей по одной перевязали, и, через то же бревно вервие перекинув, вверх Подняли, дабы ноги ее горизонтально располагались, губы большие вульвы распахнув Широко и клитор, высовывающийся из капюшона розового своего, с губами малыми, Видимые отчетливо, вниманию поклонников своих мужских и оценщиков предъявляя. Лишь на руках женщина двадцатилетняя висеть осталась, в воздухе одном, посередине Временной постройке пыточной гильветов, в обездвижении собственном и полностью

Должная положиться на милосердие захватчиков своих. Тем же милосердие не присуще Было, что многократно двух дней на протяжении наблюдала уже невольница висящая. Хоть вред пока и не был ей нанесен, понимала она отчетливо, что во взглядах мужских, На нее бросаемых, лишь тело мертвое видно, и теперь лишь времени вопрос остался - Сколь много его отпущено и сколь жестокой и мучительной кончина ее неизбежная будет, Тем более заняты пытками ее вождь Горру поручил - из варваров самому сильному. Один вид гиганта этого страха внушал, как и занятие его пред назначением почетным, Ибо его всем остальным воинам своим вождь предпочел. Занимался же Горр коитусом, Но не с пленницей какой-либо, а лишь с головой, от женщины молодой отсеченной, В руках под животом своим голову эту держа и на пенис свой ритмично насаживая. Но не в рот он коитусом естественным занимался, а в шею ее разрубленную, в горла Отверстие окровавленное пенис огромный вводя; изо рта же, в крике безмолвном Раскрытого, головка багровая, кулачок детский размерами напоминающий, подобно Языку непристойному, высывалась, изгибаясь, будто не с того конца она орган сосала. Кровь свежая от занятия такого из шеи по тестикулам Горра стекала, на землю капая, Оота же по лицу головы насилюемой одну из девочек узнала, повешенную только что, Отчего в волнении на пенисе Крулла подпрыгнула, чуть не соскочив, тем более поразил Ее огромный меч двусторонний, который Горр, вождя приказу повинуюсь, с земли поднял. Столь велик меч этот был, что лишь бог иль великан, Горру подобный, владеть им мог. За поясом же Горра в ножнах кожаных нубийка кривой нож восточный узнала, столь часто На глазах ее при хозяев игрищах кровавых, в коих и она участие не единожды принимала, Для потрошения женщин используемый, как мертвых, так и живых, что интересней было. Однако Ооты волнение ей не помешало внимание свое Крулла ублажению посвящать, Ослабления не допуская пениса его могучего, анальный проход нубийки шлифующего, Хоть всё захватывающее при Горра появлении смерти оргия становилась, и ожидать Следовало новых игр творческих, гильветами придумываемых, при бойне затеваемой. Губу от нетерпения прикусив, ждала Оота, когда же, наконец, черноволосая красавица, К испытаниям жестоким подготовленная, первой кровью своей песок под ногами окрасит. Ожидания ее исполняя, поднял Горр меч свой, для эффекта пущего над головой крутанул И резким ударом одним могучим на ногу чуть бедра ниже рабыне привязанной опустил. Столь тот удар силен оказался, что начисто ляжку ей в месте самом широком перерубил, Отчего нога, от женщины отдельно привязанная, на вервии своем закачалась, рабыня же От ужаса закричала и на вервиях своих закрутилась во все стороны разные, тем самым Гильветам в ракурсах всех свой пень толстый, кровью фонтанирующий, демонстрируя. Хоть крик женщины этой и громок был, но вовсе в визг перешел, когда Горр вновь поднял Меч свой громадный и, глаз один чуть прищуря, прицелился для удара нового нанесения. Второй удар симметрично оставшуюся ногу отсек, отчего красавица на треть легче стала И на руках своих, к бревну привязанных, грудями полными шевеля, в стороны закачалась. Одновременно мочи струя толстая с шумом, крик заглушающим почти, из нее хлынула Непристойно, за тела покачиванием вслед в места разные, в песок впитываясь вместе С кровью, из обрубков фонтанирующей, к тем пятнам темным присоединяясь, что до нее Полудюжиной девочек, на бревне том же горизонтальном повешенных, оставлены были. Обут Горр был в килты жесткие военные, но с мысами острыми, по противнику ударам Предназначенными. На меч свой, в землю воткнутый, оперся великан, ногу одну поднял, И носок острый в вагину рабыне засунул немного, жутким ревом, отчасти лишь смех Напоминающим, движение сопровождая; поковырял там, женщину на руках раскачивая. Потом с силой ногой снизу по вульве ударил, на вервиях рабыня закачалась, от удара Кровь не только из ног обрубленных пошла, но и из вагины хлынула. Горр же тогда кол Деревянный заостренный поднял, в шесть локтей длиной, кричащую женщину безногую Ухватил, и в отверстие ее анальное толчком одним на два локтя с лишним его загнал. Руки одной от кола не отрывая, меч свой огромный великан тогда взял и со свистом его Над женщины головой провел, руки ей в локтях обрубая, после чего туловище кровавое Четвертованное на палке деревянной поднял, трофеей своей демонстрируя, и в песок Второй кола конец воткнул, скульптуру, на анусе держащуюся, зрителям представляя. От кровопотери обильной, чрез четыре обрубка исходящей, быстро рабыня в Плутона Царство отправилась, но гильветы, последними жизни ее мгновениями наслаждающиеся, Признали дружно, что торс красавицы четвертованный столь же им привлекательным Показался, как и тело всё обнаженное, при жизни краткой столь от испуга дрожащее.

Глава XX, в которой рассказывается об убийстве еще двух женщин из четырех, к Круллу приведенных

Следующей жертвой из женщин четырех, Круллу приведенных, была женщина отобрана Из стран дальних неведомо, ибо голова у нее выбрита наголо оказалась, что в местах, Ооте известных не делалось. Приказали ей самой пред гильветами обнажиться, и руки Вверх над головой высоко поднять, что со страхом и выполнилось ею незамедлительно. Ибо хоть понимала женщина бритая, что время смертное ее настало, но все же спорить Бесполезно с великаном жестоким, потому и разделась беспрекословно, нагой оставшись Пред варваров взглядами ухмыляющимися, и руки вверх подняла, груди свои полные Этим так приподняв, что соски в Горра сторону устремились, а живот стройный подобрал. Поднял тогда Горр меч свой чудовищный и острием в сосок женщины уперся, нажав Слегка, но не вдавил грудь, хоть большую, ибо острым меч был, а до кости прорезал, Сосок с ореолом вертикальной чертой красной перечеркнув. После того с другой грудью Горр попытку повторил, лишь в том отличие создав, что чертой горизонтальной ее пометил. Оота, губы от волнения облизывая и вождя пенис не забывая анусом своим ублажать,

Смотрела, как по рабыни грудям и животу, с розовых близнецов млечных перечеркнутых Начинаясь, струйки красные текут, в ложбине, ноги разделяющей, исчезая, и любуясь Фигурой ее стройной, Флору напоминающей, разрезом высоким Венеры бугорка литого. Закричала женщина, не столь от боли, а от страха, понимая, что полностью во власти Мясника жестокого находится, хоть и не связанная, но шевельнуться права не имеющая, Ибо испытание пыточное по началу не столь болезненным было, как ожидать она могла, На игры гильветов насмотревшись, не зная, что время уходящее срок жизни ее отмеряет. В варваров мнении, Оота знала, женщины голые эти куда ниже считались, чем животные Мясные, для убоя приготовленные, ибо рабыни служили лишь для Амура утех, но столь Жестоких, что только под пытками погибель хозяевам их требовалась, а гильветов Взорам лишь кровь жертв своих требовалась и ужас предсмертный, в глазах застывший. В жизни своей короткой со столь частым насилием чрезвычайным над женщинами Оота Сталкивалась, что привыкла лишь забавляться этим, столь же пытками возбуждаясь, Как хозяева ее, ибо формы развлечения иной не знала нубийка десятилетняя. Сейчас же С волнением смотрела на женщины полное покорение, нагой перед Горром стоящей. Хоть и могла та в сторону отскочить, иль убежать, не делала этого, лишь телом всем Дрожала, отчего на коже ее обнаженной бугорки гусиные выскочили, а по ноге струйка Желтая потекла произвольно. Понимала она, что момент пришел смертью ужасной Погибнуть не ради цели высокой, а лишь для захватчиков ее развлечения кровавого. Горр ноги расставил широко, в песок их упер, меч свой чудовищный, плашмя держа Над землей, назад за спину завел, размахнулся, прицелившись, и ударом единственным Могучим рабыню бритоголовую в талии перерубил. Нижняя женщины половина, колени Растопырив смешно, вперед упала, вверх ягодицы раскрытые непристойно выставив. Верхняя же часть ее назад отлетела, головой безволосой о песок ударилась, груди же Полные подпрыгнули, в стороны качнувшись, как спина на землю упала. Увидели тут все, Сколь чист разрез поперечный могучего меча был, ибо внутренности так идеально ровно Рассечены оказались, что, даже освободившись, выскользнуть из нутра ее не спешили. Горр тогда второй кол с земли поднял, в песок рядом с первой жертвой своей воткнул И верхнюю тела половину женщины бритоголовой на него насадил, дабы нелегкую Работу его гильветы смогли оценить. Сам же великан к третьей рабыне тут подошел, Которую за руки поднятые тем временем к бревну горизонтальному привязали крепко. Тем временем, развлечения ради, один из воинов молодых часть нижнюю приподнял Рабыни рассеченной, вагиной ее насадил на пенис свой, от зрелища представившегося Эрегированный уже и коитусом занялся, туловище за ягодицы схватив, на себя надевая. Хоть мертва вагина была, но теплая еще, даже влажности выделение воин почувствовал. К третьей жертве, руками к виселице привязанной, подойдя, учуял Горр испражнений Запах и пленницу к зрителям спиной перевернул. От представления такого засмеялись В восторге гильветы, ибо увидели, что лишь от страха перед мечом приблизившимся, Действие которого ужасное видела она, фекалии из нее на песок падали, ноги пачкая. С рыком ужасным, ржание лошади скорее напоминающим, смех нежели, в сторону Горр Меч свой чудовищный отложил, чем пленницу привязанную так удивил, что застыла она, Ибо ожидала, что в ход это оружие сейчас пущено будет. Горр, однако, безоружным Пред рабыней не остался, из ножен потрошительный восточный кинжал изогнутый вынув. Пленница привязанная от испуга завизжала пронзительно, когда за грудь ухватившись И на себя оттянув, длинную ровную линию красную Горра нож острый сверху груди одной У основания ее провел, вслед за тем без промедления великан рассек сверху глубоко Грудь вторую. Потом он руки в надрезы грудей пышных вложил до запястья, вниз рванул. Разорвалась от того плоть ее нежная, на живот груди полуоторванные упали, мясо свое Открывая - красное, кровью по бокам истекающее, и светлое, бело-желтое внутреннее. Горр же со спины пленницы зашел, ноги ей пинком раздвинул и в анальное отверстие, Нечистотами ее собственными испачканное, нож свой с лезвием изогнутым воткнул. Ввел он его до рукоятки, и гильветы, пред пленницей расположившись, увидели, как ножа Кончик, внутренности прорезав и кожу проткнув, чуть ниже пупка пленницы показался. Улюлюканием восторженным встречено это было, ибо коитусами многочисленными Пресытившись, лишь рабынь богоподобных смерть жестокая их пенисы возбудить могла. Столь же и Горр истинную ценность пленниц оценивал лишь красочностью зрелища Пыточного, кое рабыня их взорам голодным могла представить, что не так от нее самой, Как от палача зависело, женщин испытанию жестокому подвергающего. Потому рывком Мощным он вниз ножом надавил, вскрытый проход анальный, живот и вагину рассекая. Кишки женщины располосанные, не удерживаемые ничем боле, из нее повалились сразу, Чрез живота разрез выскальзывая и между ног раздвинутых дымящейся кучкой ложась, Сверху же новые падали, с потрохами вместе. Дождавшись действия этого окончания, Обрато в ножны Горр кинжал вложил, меч свой огромный поднял и над головой занес. Кверху пленница распотрошенная голову задрала и закричала пронзительно, глядя на то, Как острое лезвие размеров чудовищных на нее опускается. Лишь единственным ударом Могучим наискось чрез кости все Горр женщину перерубил, на плечо левое меч опустив, Меж грудями налитыми проведя и над изящным бедром правым орудия путь закончив. Еще раз показал великан силу свою огромную и умение невероятное мечом тяжелым Владеть, что криками и свистом одобрительным гильветами остальными встречено было. Пленницы же тела верхнюю часть, под углом перерубленную, на третий кол насадил Великан и рядом с женщин двумя телами, пред тем им умерщвленными, в песок воткнул.

Глава XXI, в которой рассказывается о страшной смерти беременной женщины, последней из

четырех, к Круллу приведенных

Теперь уже и до четвертой пленницы, с содроганием на казнь подруг своих взирающей, Очередь дошла. Столь прекрасна была она, лицом и фигурой, за живота исключением, Венере подобная, что беременность, заметная изрядно, лишь красила ее, груди наливая Соком спелости женской, соски увеличивая и блеска в ее глазах испуганных добавляя. Как и пленницу первую из четырех, к Круллу приведенных, в воздухе под горизонтальным Бревном ее подвесили, запястья и щиколотки вервьями перевязав, чтобы на руках одних Висела она, ноги же, раздвинутые широко, почти земле параллельно оказались, вульву Разверстую, к родам готовую и выбритую чисто, гильветов взорам жадным открывая. Красоты своей по причине из рабынь четырех напоследок оставили ее, как для пира Завершения закуску аппетитную, ибо и ноги ее длинные лучшими, чем у пленниц других Казались, и ягодицы поджарые, беременностью не испорченные нисколько, и груди Высокие, с сосками острыми, не отвисающие нисколько, и лицо римское классическое. Высокий воин варварский, лишь среди зрителей до того стоящий, от зрелища красавицы, На потеху гильветам вывешенной и распяленной, искушению в играх Амура участвовать Противиться не способен оказался, потому со спины пленницы зашел, на головку пениса Своего огромного плюнул, и, ягодицы ей разведя, с силы всей женщину на себя подтянул. Толчком единственным через отверстие анальное напряженное прошел он, и пенис свой Толстый захоронил до тестикул полностью в анусе ее. От ужаса, коитусом в позе такой Раскрытой вызванного, сфинктер она со всей силы сжала, так пениса основание схватив, Что двигаться, ритмично член свой выводя из отверстия узкого, варвар не мог более. Однако не помешало это ему нисколько коитусом наслаждаться, ибо, руки свои протянув Сзади, зажал он грубо груди ее и, их трепя, качанием тела всего подвешенного управляя, Со страстью бешеной пенис свой в анус всаживать стал. Женщина бедрами связанными Задвигала, пытаясь тщетно захватчика непрошеного, боль создающего, из себя изгнать. Однако движения ее судорожные воину лишь помогали, казалось даже, что отзывается Она специально насильнику в такт. Но пениса через перегородку из отверстия анального По матке удары сильные сокращаться ее заставили, плод из колыбели изгоняя, тесной Становящейся, отчего кости тазовые расходиться стали, схватки предродовые начиная. От боли роженица закричала, но остановить тела своего потуги внутренние не могла, Вульва ее расширилась, бесстыдно взоры мужчин гогочущих принимая, край младенца Головки, из отверстия узкого вылезающего, показался, ибо роды начались, хоть матери Положение, за конечности привязанной и над землей висящей, к тому не располагало. Губы рабыни нижние в стороны разошлись, блестящую розовую поверхность внутреннюю Показывая, и, хоть плода головка показываться начала, виднелись ясно мускулов вульвы, Сейчас даже на вид прекрасной, движения пульсирующие, вызываемые насильника Пенисом. Из вагины же воды предродовые молочно-белые хлынули, на песок изливаясь. Но сменилась вод этих расцветка быстро, розовой сначала становясь, красной затем, Показывая, что прорвался пузырь, плод находился в коем, ибо наружу ребенок выходил. Крулл же тогда, Ооту не ссаживая, кнут свой чудовищный в руку взял и, прицелившись, Рабыню рожающую хлестать стал по животу выпирающему и от схваток пульсирующему. Оттого женщина закричала еще истошнее и дергаться судорожно в путах своих стала, Хоть привязана надежно была, сзади же еще пенисом и руками воина удерживалась. Чуть задел при этом кнут торс воина, женщину насилующую в самом родах процессе, Что лишь участило гильвета движения, к эякуляции вожденной приближающегося. В силах собственных мужских уверенный, за длинные волосы вьющиеся грубо воин Роженицы прекрасной голову схватил и так назад оттянул, что шея ее горбом выгнулась, Сам же взревел торжествуя и застыл в содроганиях внутренних, ибо в кульминации Момент этот самый в кишки ее как мог глубоко потоки бушующие спермы выплескивал. Недолго отверстие ее анальное пустовало, ибо, как гильвет пенис свой опорожнившийся Вытянул, на ягодицы роженицы капли последние стряхивая, новый воин место занял, Лишь только освободившееся, бедра ее руками мощными схватил и копье напрягшееся Свое легко на глубину полную ввел, спермой насильника предыдущего полно смазанную. Лишь анальные фрикции безжалостные молодой рабыни рожающей тела растянутого Варвар новый начал, как увидел, что Горр с кинжалом своим восточным изогнутым, Для невольниц беззащитных потрошения предназначенным, к ним подходит; потому, Сразу руки свои, живот ее надутый обжимающие, убрав, за плечи женщину схватил. Ибо не знал еще воин, с какого части рабыни Горр к работе своей кровавой приступит, Но понимал отлично, что великан не смутится и не остановится, если на ножа его пути Рука или пенис гильвета иного окажется, поскольку не были Крулла варвары братством Единым, в том именно сила их заключалась, что каждый лишь за себя одного отвечал. Потому и не могло безумца найтись среди них, кто сам добровольно подставить бы мог Тело свое мечу Горра огромному или ножу его, для рабынь потрошения используемому. Сегодня же день был лишь для наложниц бойни, а не гильветов наказанных децимации, И не место было героизму глупому перед Горром, с блеском в глазах приблизившимся. Начало представления следующего увидев, и мысленно только лишь представив себе, Что кривое лезвие ужасное с беспомощной женщиной рожающей сделать готово будет, Сцены в предвкушении затрепетала Оота малолетняя, на Крулла пенисе сидящая, И контролировать тела своего отправления естественные перестала неумышленно. Потому из нее золотая струя толстая прямо по Крулла животу и гениталиям ударила, Что не было Круллу оскорблением, ибо моча, из женщины, коитусом занимающейся, Исходящая, лишь наслаждение чувственное мужчине усиливало. Мускулов нижних Ооты Расслабление и дефекацию вызвать могли бы, если б анус ее пенисом запечатан не был. Причина же сущая Ооты трепета в том была, что понимала нубийка судьбы начертание,

Богамы предустановленное, роженицы молодой и младенца ее, на свет появляющегося. В том их планида была теперь, чтобы обоим смертью жестокой под пытками кровавыми. От гильветов рук погибнуть, тем самым зрелищем себя наслаждение варварам принеся. Для замученной же роженицы изнасилование анальное непрерывное вкупе с видом ножа, В Горра руке к ней приближающегося, слишком сильную встряску нервам представило. Оттого с криком сколь могла натужилась она инстинктивно, разверстые вульвы губы. Большие еще распахнулись шире, и младенца головка на свет из-под них выскользнула. Воплями радостными родов начало гильветы приветствовали, ибо дитя новорожденное. Она им предоставляла точно в момент, Горром для экзекуции выбранный, лишь помощи. Немного для того от варваров принимая - изнасилования анального фрикции и кнута. Удары многочисленные по гениталиям раскрытым и животу, в схватках содрогающемся. Радость же гильветов от того проистекала, что теперь не только мать, но и младенец ее. Появившийся равнодоступны кровавым истязаниям становились, воинами готовящимися. Однако жертвами злодейскими никак не могли молодая женщина с ребенком считаться, Ибо от богов предназначение получили лишь мясом человеческим стать, дичи подобным. И вся их жизнь длина, чувства и страдания предсмертные тому служить должныствовали, Дабы все гостеприимство варварское Крулла испытать, тем самым воинам, на мгновение. Хотя, обеспечить возбуждение радостное, эрекцией сопровождаемое, поскольку воины. Жизнями своими рисковали, чтобы в бою корову эту человеческую с теленком пленить. Крулла кнут длинный взвился и точно между ногами посередине роженицу хлестанул - Как раз по клитору, отверстию уринальному и младенца голове ударил, по следу своему. Всюду кожу рассекая. Концом же своим на излете задел кнут чудовищный и воина, Женщину насилующего, тестикулы болтающиеся и анус его, от фрикций напряженный. И без того в схватках родовых рабыня корчилась, кнута же удар давление на тело ее. Добавил; из вульвы разверстой сразу младенца голова выскочила, рот его открылся. Широко, и крик оттуда раздался, но не обычный для новорожденного, воздух впервые. Глотнувшего, а вопль пронзительный, ибо как раз в момент этот второй раз кнут ударил. Ударил по лицу новорожденного точно, по роженицы гениталиям, заодно же тестикулы. Насильника вновь задел, но куда сильнее, чем ранее. Взревел гильвет от боли тогда. В органах чувствительных, но рабыни от ануса не оторвался и фрикции не остановил, Ибо почувствовал, как от тестикул потревоженных сладкая волна подниматься начала. Костра пламенные языки в остром восточном лезвии отразились, когда первый укол ножом. Изогнутым Горр нанес в рабыни грудь, молоком набухшую. Так уколол великан, что играючи, Без усилия всякого кинжал, в верхнюю часть груди ее вонзившись и по ребрам скользя, Движение свое на несколько пальцев ниже соска, надвое от того распавшегося, закончил. Когда же выдернул Горр кинжал, из разреза глубокого струя крови, с молоком смешанной, На рабыни живот побежала, грудь же сама в стороны разверзлась, мясо свое показывая. Тут же вторым разрезом, первому параллельным, грудь ее украсилась, а нож, не делая. Перерыва никакого, вторую роженицы грудь точно такой же полосой и крови струей украсил. Для гильветов, вокруг собравшихся, Горр представление устраивал, легко ножом своим. Взмахивая и на множество ломтей вертикальных обе груди разрезая, оттого движение его. Каждое свистом одобрительным сопровождалось. Кулак его, кинжал зажимающий, кровью. Залит был полностью; тогда приостановился великан и тщательно всю руку свою облизал. После того пригнулся к пленнице великан и в рот свой сосок ее взял с мяса ломтем вместе, Затем кинжалом восточным взмахнул, весь кусок, зубами прихваченный, от рабыни отрезая. Отстранился Горр от пленницы искромсанной, шаг в сторону сделал и, лицом повернувшись. К гильветам, уплетать стал деликатес сырой, мяса груди ломоть, чавкая шумно при этом. Страшен вид обнаженного великана был, ибо волос завитки невыбритые на всем теле его. Сгустками крови полужасохшей испачканы были, на пенисе же, по-прежнему эрегированном, Еще голова девочки, пред тем умерщвленной, без рук Горра поддержки всякой покоилась, Из рта которой органа, в шею ее отрубленную вошедшего, головка багровая вылезала. Из роженицы же вульвы разверстой иная головка выступала - ребенка ее рождающегося, В корчах родовых плечи освободившего из утробы заточения, и лишь бедрами там застряв. Великан же, мяса сырого ломоть доев, серьезной работой занялся, к вершине живота. Надутого кинжал свой приставив, с силой на него нажав и вниз им до Венеры холма проведя. От разреза такого длинного и глубокого ткани поверхностные живота толстого разошлись, И открылось нутро ее на обозрение всеобщее, хоть и до того все наружные пленницы. Органы раскрыты донельзя были, ибо распята она была в положении, когда вес ее на руки. Привязанные приходился, а ноги в стороны подвешены, вульву взорам мужским открывая. Из вульвы же, не только подвесом ног, широко раздвинутых, но родами текущими раскрытой, Наполовину длины своей плод рождающийся вылезал, большой толстый окровавленный. Пенис напоминала, лишь с лицом человеческим. Живот вскрытый по сторонам обегая, кровь. Из грудей расположенных струилась, из утробы же кишки начали медленно вниз скользить. Гильветов две дюжины занятия свои оставили, чтобы наслаждение получить от зрелища, Горром затеянного, и столь при том возбудились, что с лицами перекошенными движениями. Кулаков частыми мастурбировали прилюдно, рабынь обнаженных пред собой на колени. Выставив, дабы проглотить они успели сперму, от игрища кровавого выплеснувшуюся. Тот же воин, что роженицу насиловал анально, эякулировать стал с рычанием зверским, И, невольницу подвешенную кулаком в спину ударив, пенис из невольницы вытащил. Удержавшись не в силах, лишь два плевок густых семени своего на ягодицы извергнул, И, кругом ее обойдя, всем спермы остатком изрядным лицо младенца появляющегося залил. Горр же к кульминации представления своего готовясь, кинжал восточный к горлу младенца, Наполовину родившегося, поднес и резким ударом единым голову ребенку отсек, но дал ей. Не на песок свободно упасть, а лишь на шиколотку свою, затем головку маленькую подбросил. В воздух высоко, после чего в волны накатывающие она упала, на их гребнях покачиваясь.

Теперь для матери время настало, ибо, ухмыльнувшись злое ще и девочки голову на пенисе Своем поправив, нож он медленно к животу набухшему, с разрезом пока единым, поднес, Теперь же полностью по периметру всему круг кинжалом очертил, брюшины удаляя покровы Все наружные, отчего с кожей вместе потроха внутриутробные на землю вывалились разом. Под роженицы ногами привязанными, раздвинутыми широко, сразу холм парящий вырос, Из кишок и внутренностей скользких состоящий, а со спины подойдя, движением круговым По талии Горр ее разрезал, позвоночник лишь обойдя, но еще жила женщина, даже кричать Пытаясь безуспешно, когда великан движением одним трупик безголовый из нее выдернул. Пуповину обрезав, на руке Горр тельце поднял и ножки раздвинул, зрителям восторженным Показывая, что девочкой рабыня зарезанная разрешиться пыталась, после чего скинул с себя Голову, остывать начавшую, и вместо нее пенис свой вонзил в вагину ребенка безголового, Несколько фрикций глубоких им сделав, что свистом гильветов восхищенных одобрено было. Но столь сильна эрекция была великана жестокого, что, когда руки от тельца Горр убрал, Горизонтально оно застыло, к земле не опускаясь нисколько. Затем, меч свой огромный взяв, Конечности все четыре роженице он отсек и, вагину пустую уже на кол надев, распотрошенное Туловище в песок поставил, рядом с тремя ранними жертвами умерщвленными игрищ своих.

Глава XXII, в которой рассказывается о порке Ооты мясоносительницей чернокожей

Обхватил жестко Крулл руками обеими бедра маленькой чернокожей игрушки своей, пенис его Ублажающей анально, тем Ооту последние силы выкладывать заставляя для танца Венеры Яростного. К времени тому позднему еще две рабыни-подстилки, под Круллом тихо лежащие, И мягкость его развлечения с нубийкой обеспечивающие, умерли, стоны при этом не издав. Одна от кровотечения маточного погибла, тем вызванного, что один из гильветов, вождя Окруживших, решил, что кинжал, в вагину ее воткнутый, недостаточно глубоко прошел, Тем не столь много ей неудобств причиняя, чтобы молчание полное гарантировать при любых Крулла по подстилкам своим перемещениях из-за Ооты прыжков на гениталиях его набухших. Потому воин тот, кинжал поправляя, столь далеко его просунул, что рукоятка наполовину Скрылась уже в складках вульвы ее разверстой. Со смехом он кинжал задвигал, говоря, Что оружие твердое куда лучше, чем пенис смягчающийся, и шаловливо клитор ей щекотал, Утверждая, что все рабыни, в кобылицы не отобранные, оргазм испытать от кинжала могут. Вторая же подстилка просто задохнулась, когда всем весом немалым Крулл на нее налег, Рукой при этом горло непреднамеренно пережав. Видя пренебрежение господина могучего К подстилкам бесправным, Оота опыт общения с ними перенять решила, Круллу показав При этом способность к обучению премудростям любым, с органами женскими связанными. Потому, с пениса вождя не слезая и темпа движений не меняя, вытянула нубийка ногу одну, И ступни пальцами рукоятку кинжала ухватила, что в вагине еще живой подстилки был. Затем, вытянув этот кинжал аккуратно и ногой в сторону отбросив, пяткой больно подстилку По бедрам ударила, побуждая этим ее колени свои в стороны сколь широко развести. С интересом Крулл наблюдал за нубийкой молодой действиями, не зная еще, что хочет она, Но и не противодействуя. Воины же, близ вождя стоявшие, тоже не поняли Ооты замысла, Но с интересом продолжения игры ждали, не ими уже затеянной, а лишь рабыней малолетней. Подстилка же, понимая, что от Крулла имени приказ отдан, молча колени раздвинула покорно. Для удобства пересела немного нубийка на Крулла пенисе и ступню свою, уриной и кровью Измазанную, с песком налипшим, в вагину подстилки вводить стала, пальчиками перебирая, И ими губы малые в стороны раздвигая, но не переставая нисколько анус свой для Крулла Услаждения на глубину всю использовать, но эякуляции его преждевременной не допуская. Постепенно вводила Оота ногу свою в подстилку, права пошевелиться или боли стон издать Приглушенный не имеющую. Наполовину ступня легко вошла, затем пятка нубийки застряла. Этим не смутившись нисколько, вес свой весь Оота на ногу переместила, и толчком единым Пятку жесткую протолкнула, и далее тогда ногу в вагину подстилки бесправной вводить стала. Даже препятствие - матку рабыни - почувствовав, не остановилась нубийка, а лишь с улыбкой Победной игру свою, по сути нисколько от варварских не отличающуюся, до той поры вела, Когда икру свою до половины введя, и матку этим проткнув, не увидела, как из подстилки Крови поток хлынул, сама же рабыня затихла бездвижно, в Плутон царство отправившись. Лишь этим Оотой истязание закончено было, и с улыбкой довольной на Крулла она взглянула, Головы кивком на подстилку мертвую вождю хвастливо указывая, тем подтверждая наглядно, Гильветов уроки женщин умерщвления освоение, следовательно, в живых остаться достойна, Ибо, хоть и молода она очень, но и в Амура играх равных ей нет среди рабынь захваченных. Крулл внимание обратил, что ни следа малейшего переживаний от содеянного и увиденного На лице оливковым ребенка не отразилось, потому новому испытанию ее подвергнуть решил, Ибо, хоть и дожила Оота до возраста десятилетнего, не один десяток хозяев жестоких сменив, Случилось так, ни разу не секли ее, что весьма необычно было для девочки привлекательной. Тем временем новую рабыню к Крулла костру подвели, ее оголять заранее гильветам Не требовалось, ибо лишь виде обнаженном постоянно пребывать она предназначалась. Рабыня та матово чернокожей сонгаитянской молодой была, роста высокого, но еще выше Казалась из-за колец спиральных на шее, почти на пол-локтя целых голову приподнимающих. Похожие кольца, также в тело впивающиеся, основание больших грудей ее перетягивали, Отчего огромными они стали и на два надутых пузыря с молоком похожи. Голова ее выбрита Наголо была, с бровями вместе, а губы, уши и нос огромные кольца серебряные протыкали. Волос вместо большие перья раскрашенные из-под кожи вверх над затылком поднимались. Но главное, от женщин обычных в гениталиях она отличалась, где на глубине пальца мужского Указательного меж анусом и вагиной отверстие было проколото и в дыре получившейся, Отверстие анальное с вагиной соединяющее, толстое кольцо серебряное вставлялось,

Меж ног ее стройных еще более чем на треть локтя провисающее, анус с вульвой оттягивая. Это кольцо основным признаком служило, что молодая сонгаитянка та - мясоносительница, Ибо ролью ее основной в жизни переноска мяса была: либо чужого - тогда поклада к кольцу Привязывалась, либо себя, также в пищу предназначавшуюся, - тогда за кольцо огромное, Прочно тело удерживающее, сонгаитянка, заживо жарящаяся, над костром подвешивалась. Длинный тонкий кнут мясоносительнице вручили, Крулл же, Ооту не ссаживая, перевернул Нубийку спиной к себе, и на ноги встал, на грудях двух подстилок место найдя, сонгаитянке На девочку головой кивнул, мишень для порки обозначая, после же назад отклонился, руками Ооту придерживая, а та сама вперед подалась, дабы возможно удобную цель представлять. Прекрасно понимала девочка маленькая, что происходить будет, и сколь во многих местах Оливковая кожа ее нежная расщелкнется, ибо много порки последствий на своем веку видела, Но не хуже понимала, что лишь покорность полная, с палачами сотрудничество добровольное. Хотя некоторые шансы предоставляли для жизни ее спасения в играх гильветов кровавых. Двое воинов с кнутами позади сонгаитянки встали, дабы пресечь жестко ошибку ее любую, Когда вместо Ооты гильветов вождя мясоносительница ударить попыталась, и, хоть рабыня Чернокожая к куда худшему испытанию готова была, нежели ребенка избиение, Крулл решил Мудро дополнительный стимул ей дать, дабы к игры началу скорее сколь можно ее принудить. Ибо опасалась мясоносительница, что лишь в нубийки избиения имитации ее участвовать Заставляют, истинная же цель игрища затеваемого - самой сонгаитянки смерть мучительная, Поскольку достаточно уже видела в дни последние крови и смертей, лишь тому посвященных, Чтоб возбуждение гильветам предоставить, и сама к скорой смерти неизбежной готовилась. Крулл тем временем пенис свой огромный выгнул слегка, руками Ооты ягодицы приподняв, Что сигналом для мясоносительницы послужило порку начать, и она со всей силы нубийку Обнаженную стегать начала, ибо, если смерть сонгаитянке планида уготовила, то, не пассивно Подчиняясь, примет она ее, но, как богам наблюдающим ведомо было, действуя осознанно. Ибо бездействием никогда неизбежное не остановишь, а лишь участием добровольным В игрищах любых, особо в игрищах с избалованными игрушками Венеры малыми, немало Коих перевидала она, дабы уяснить, что сутью своей были эти игрушки дешевы и презренны, Лишь тому предназначаясь, чтоб тестикулы людей многих одновременно сперму вырабатывали. Из-за кольца огромного не могла мясоносительница сама не только родить, но и надеяться Когда-либо пенис в нижних отверстиях ощутить, даже дефекация проблемой для нее была, А дабы сонгаитянка оргазма мастурбацией не испытала, еще в детстве клитора ее лишили, Потому в душе почитала мясоносительница особо женщин, дитя зачать и родить способных. Игрушки же Амура, как девочка-нубийка эта, рано развившаяся, лишь ненависть ее вызывали, Ибо, спермы животворящей столь много в жизни своей короткой получая, впустую тратили ее, За игрушки малолетством, зачать потому не могущей. Оттого, сомнения никакого не ведая, С размаха первый кнута удар мясоносительница негодующая по Ооте беззащитной нанесла. Сонгаитянка чернокожая готова была все силы свои положить, дабы девочке ненавистной, Развившейся слишком рано, урок жестокий преподать, охотно убила бы даже она нубийку За красоту мерзкую и за позор, коий темною кожей своей игрушка та расу черную обрекает, Главное же - за то, что целых полдня скакать она на пенисе вождя может, наяде подобно. Не менее и то мясоносительницу раздражало, что добровольно игрушка противная под кнут Подставляется, с предвкушением наслаждения улыбкой, вместо страха естественного. Оота же к ожесточенным ударам жалящим отнюдь готова не была, и улыбку только в начале Самом удерживала, ибо лишь ударов имитации от женщины, как и сама чернокожей, ожидала. Второй кнута удар живот нубийки пересек и на спину изогнулся. Столь острым и внезапным Укол его был, что еле удержала Оота в анусе своем Крулла пенис, вскрикнув от боли жгучей, Но более от страха за жизнь свою, ибо ранее во всех игрищах беспощадных участие девочка Принимала всегда как зритель, либо орудие наказания, но никогда до того - как предмет его. Внезапно, впервые в жизни своей короткой, настолько уязвимой нубийка себя почувствовала, Хотя наблюдала многократно порку рабынь владельцами их жестокими, страданиями женщин Тогда наслаждаясь, ибо в мире цивилизованном невольниц и жен наказание источником было Развлечения, особенно для хозяев богатых, потерю невольниц нескольких могущих перенести. Оота же достаточно умна была, чтобы соблазнительницу малолетнюю изображать успешно, И улыбка озорная не на плахе ей место всегда приносила, а на зрителей и хозяина стороне, Либо на пенисе его, где обучение гаремное плоды сладкие давало и владельцами ценилось, Сейчас же положение ее, гильветов жестоких пленницы бесправной, совсем иным было. Ибо нисколько не интересовались варвары рабынь ценностью и умением их в играх преуспеть Венеры затейливых, иное вовсе ценилось - сколь рабыня громко кричать могла, сколь долго Расчленение и живота потрошение вынести могла и сколько крови отдать до путешествия Последнего в Плутоне царство подземное, да сколь путешествие это зрителями оценится. Удар кнута следующий поперек живота нубийки напряженного пришелся, кончиком же своим Кнут по лицу Ооту ударил, губу ей нижнюю рассекая. От крови вкуса девочке показалось, Что сейчас на ноги вождя грозного стошнит ее, чего испугалась она, ибо смерть принесло бы, И понять пыталась, сколь еще крови из нее выльется до Крулла удовлетворения полного. Новый удар меж ног Ооты пришелся, на волос лишь Крулла тестикулы не задев, но по бугорку Венеры пройдя и ровно меж складок губ ее малых, отчего боли взрывом девочку обожгло, И капли крови темно-красные на вульве незрелой выступили. По месту для женщины любой самому болезненному удар тот пришелся, причем по Крулла приказу женщина его нанесла. Но даже не женщина женщине боль ту причинила, а женщина ребенку еще не созревшему. По телу же девочки оливковому полосы багровые набухать стали, с крови капельками На вершине, что рабами хорошо обученными в мире цивилизованном как наказание Отнюдь не восприниматься долженствовало, а лишь как хозяина своего обслуживание. Ибо участь рабов неременная в получении ударов кнута состояла, и шрамами хорошими Многочисленными гордилась челядь дворовая, поскольку владельца внимание обозначалось

Образом таким, и как поощрение рассматривалось. Степенью же высшей гордости этой Развлечение хозяина считалось, убийством, изощренным сколь можно, рабыни достигаемое. Если слишком быстро смерть наступала, богов возмездием это было за жизни прегрешения, Либо владельца - за проступки совершенные. Иначе совсем - смерть роскошная, медленно, От мук во избавление приходящая, при которой болью невольницы хозяин наслаждаться мог; Смерть такая венцом карьеры рабыни любой была и службы ее поощрением окончательным. Начала понимать Оота, что вряд ли живой этот берег покинет, потому решила роль свою, Богами предрешенную, до конца сыграть, гильветам и рабыням иным пример собой показать, Как жизни конец провести надлежит, боль всю на обозрение выставив, если все же, несмотря На нубийки старания и в искусстве Венеры умение полное, хозяин новый убить ее решил. Для Крулла наслаждения песней ветра ураганного крики девочки по лагерю всему разнеслись, Со вздохом каждым в силе и резкости увеличиваясь, каждому же кнута удару в такт дергалась Нубийка на пенисе, Крулла эрекцию этим усиливая, к оргазму запоздалому вождя приближая, И воинов иных, на игрище Ооты взирающих и пенисы свои восставшие руками перебирающих. Сонгаитянка чернокожая, умение кнутом работать показывающая, столь же беспощадна была, Как гильветы жестокие, ибо столь же разрушительны удары ее были по ребенку коже нежной. На рабынях обеих темных уже пота капли выступили, чем довольны варвары оказались, Ибо зрелище более захватывающее, когда рабыня рабыню наказывает, нежели воины сами. Столь превосходно мясоносительница обнаженная кнутом владела, что каждый удар почти По гениталиям детским приходился, но ни разу не задела она Крулла тестикулы огромные, Нубийки же вульва, складки ее от ударов непрерывных разбухали всё более, разрез открывая, Пока похожи не стали на разинутый широко до горла птенца клюв, пищи жадно требующий. В восхищении от раскрытой полностью набухшей вульвы детской гильветы вокруг застыли, Пенисы свои теребя и мечтая самим в кнутом воспаленных вагины глубинах узких очутиться, Но понимая, сколь маловероятно это, ибо, если любое рабыни наказание начиналось, жертвы Лишь смертью закончиться оно могло, на пути к которой нубийка молодая сейчас находилась.

Глава XXIII, в которой рассказывается о смерти Ооты, до мгновения последнего Крулла ублажающей

Удовлетворился Крулл Ооты наказанием, руками мясоносительницы проводимым, мощь кнута Демонстрирующими, лишь когда сонгаитянка усталая, потом обливающаяся, ронять его стала, Тем самым новому этапу нубийки мучений начаться должноствовало, для коего пеньковое Вервие крепкое воины принесли и на одном конце петлю самозатягивающуюся завязали. В ужасе глаза Оота выкатили, когда обруч пеньковый вокруг ее головы спускать стали, петлю Стягивая, ибо видела женщин много, за шею вешаемых - знала оттого, что наказание это При палачей умении должном медленное, болезненное и фатальное всегда. Так и теперь, Поняла нубийка малолетняя, что жизни нить, ей отпущенная, к концу неизбежному подходит. Знала она прекрасно, что все женщины повешенные всегда испражняются произвольно, И мочатся также; наблюдала, как рабыни красивые, обнаженными повешенные, зрителей Дабы прелестями своими восхитить, уродливыми в петле становятся, ибо глаза их выпирают, Десны кровоточат, а раздутый язык фиолетовый изо рта, в удушие разинутого, выпадает. Зрелище столь безобразное даже тогда происходит, как не до смерти рабыню подвешивают, Лишь для забавы того дожидаясь, чтоб шея невольницы задергалась и набок склонилась; Сейчас же иное действо производиться будет, Плутону царством оканчивающееся, ибо лишь Для зрителей представление это забавно, но не для той, которая в петле качаться должна. К Ооты однако удивлению крайнему вервья конец свободный не был на виселицы бревно Горизонтальное закинут; вместо того мясоносительницу, поркой нубийки изможденную, В сторону отвели, кнут отобрав, и вервие к огромному кольцу ее серебряному привязали, Которое в утробе на пальца глубине вагины сонгаитянки и отверстие ее анальное пронзало. Устройством это простое, для того служащее, дабы тело живое мясоносительницы самой Над костром подвешивать, теперь по гильветов замыслу должно было инструментом стать Ооты удушения, ибо тотчас приказал Крулл сонгаитянке нубийку с его пениса стягивать, А девочке самой велел крепче за себя держаться, мясоносительнице в том противодействуя. Под воинов смех громкий соревноваться в тел своих крепости женщины измученные стали, Ибо определиться сейчас должно было, что прочнее - чернокожей сонгаитянки гениталии, Либо Ооты позвонки шейные. Обхватила нубийка руками сколь могла далеко Крулла талию, А ноги свои вокруг его ног огромных сплела, ступни скрестив, за тело вождя держась отчаянно. Ибо понимала девочка, что, сколько бы сфинктер свой на вождя пенисе не сжимала, силы той Недостаточно, дабы на Крулле удержаться от сонгаитянки взрослой. Воины же тем временем Кнутами ягодицы и спину, потом покрытые, мясоносительницы чернокожей стегать начали, Женщину побуждая вервие, к гениталиям ее проткнутым привязанное, натягивать со всех сил. Хоть и не было необходимости никакой сонгаитянку пороть, дабы сотрудничеством заручиться Ее добровольным в женщин двух соревновании, все же кнутов удары заставляли ее сильнее Вервие натягивать, ибо болезненно было для нее очень кольца давление, перемычку между Органами для женщины любой самыми чувствительными - вагиной и анусом - разрывающее. Но рабыни чернокожей усилия Ооте еще большие неприятности доставляли, ибо вервие, Шею ее плотно сжимающее, и от сонгаитянки усилий дергающееся, дыхание ее затрудняло, Тем более, Крулла приказ выполняя добросовестно, со всех сил руками, вспотевшими тотчас, За торс мускулистый вождя она удержаться пыталась, а за столбы ног его - коленями своими. Всё сильнее воины мясоносительницу чернокожую стегали, всё сильнее вервие тянула она, Оттого Ооты руки проскальзывать стали, а вслед за кольцом натянутым меж вульвой и анусом Сонгаитянки мясо упругое выпирать начало. Нубийки малолетней лицо краской фиолетовой Налилось, глаза выпучились, рот, воздуха требующий, раскрылся широко, язык вывалился. Руками удержаться не в силах более, отпустила Оота вождя торс, лишь ногами и сфинктером

На нем удерживаясь, ибо знала, что, пенис Крулла из себя выпустив, убита была бы тотчас. Но владельцу повиновение цель ее теперь составляла, не жизнь собственная кончающаяся, Потому, на вождя пенисе скакать перестав, лишь сжимать его пыталась в такт кнута ударам. Умереть же, что теперь неизбежно стало, она красиво хотела и владельцу новому послушно, Долг рабыни, утехам Венеры с малолетства предназначенной, выполнив пред всеми честно. Узел на вервия петле тем временем артерию и горло пережал, дышать Оота не могла более, А во рту, открытом судорожно, гильветы, вокруг собравшиеся, увидели десен ее кровотечение. Цепляться все же нубийка продолжала за Крулла ноги, и усилие это дополнительное, воздуха Нехваткой усугубленное, к тому привело, что сознание нубийка терять стала, а с ним вместе Контроль утрачивать над тела своего действиями естественными, оттого внезапно бурная Из нее горячая струя желтая на Крулла могущественного живот хлынула, залив его полностью. Быстро девочка к Плутону царству подземному подходила, а сознание потеряв окончательно, Разжала она ноги, от перенапряжения мускулов дрожащие, и, сфинктером расслабленным, С громким звуком, смешным очень, вина забродившего амфоры открывание напоминающим, С Крулла пениса сорвалась, спиной на песок упав, и борозду длинную по нему прочертив. Столь сильным ослабление вервия напряжения внезапное было, что и мясоносительница На ногах устоять не сумела, грудями своими, спиралями пережатыми, в песок уткнувшись. Крулл же, от груза надоевшего нубийки малолетней избавившись, к колеснице поверженной Римлян побежденных подошел, и, ногой упершись, огромный крюк железный из нее выдернул. После того, к Ооте лежавшей наклонившись, вождь крюк тот в анус всадил, им же растянутый, Девочки, бездвижно на песке с раскинутыми ногами лежащей. С силой крюк повернув, того Крулл добился, что стержень железный изогнутый вагину нубийки проткнул, яичники ее, пузырь Мочевой, недавно лишь опорожненный, и через низ живота вышел, чуть выше кости лобковой. Новая ручка железная в Ооте теперь торчала, мясоносительницы большого кольца наподобие, Крулл же ребенка, сознания лишившегося поднял, и, жизнь пытаясь вдохнуть, несколько раз По лицу ударил, пока затуманенные глаза нубийка не открыла, хоть тело ее детское по-прежнему Безвольным и расслабленным оставалось, невзирая на боль ужасающую от крюка воткнутого. Воины тогда, вождя приказу повинуюсь, на ноги мясоносительницу поставили, и кнутами вновь По спине и ягодицам хлестать стали, опять принуждая вервие натягивать, Крулл же крепко Крюк железный держал, дабы петля на нубийки шее не расслаблялась, а более натягивалась; Тем самым промежности женщин обеих предметами металлическими натягиваться стали. Фактически в силе соревнование Крулла и сонгаитянки началось, с Оотой вытянутой - за шею, Вервием пережатую, и крюком за кость лобковую, меж борцов посредине, отчего вновь девочка Сознание терять начала, хоть и отчаянную последнюю попытку бесполезную вырваться сделала, Чем у гильветов, на представление восхищенно глядящих, крики и одобрения свист вызвав. Понимали зрители, что в борьбе такой недолго ребенок проживет, но и смерть соревнование Прервать не могла, ибо единственный вопрос, варваров занимающий был - чьи гениталии Первыми напряжения не выдержат и вырваны будут - мясоносительницы чернокожей от кольца, Вервием натянутого, или нубийки от крюка железного, в Крулла руке мускулистой зажатого. От соседних костров воины подошли, ибо очень интересным игрище это новое получалось, И спорить начали, чье мясо первым от хозяйки своей оторвано будет, но споры те не на деньги Заключались, как в странах цивилизованных издавна принято было, а на ухо собственное, Что обычным у варваров считалось, когда выигравший проигравшему сам его отсекал. Крулла жесту повинуюсь, порку сонгаитянки чернокожей кнUTOбойцы усилили, не только по спине Всей ее ударяя, но и по молочным пузырям надутым грудей больших, спиралями перетянутых, И по гениталиям блестящим с пигментацией темной, забавно вслед за кольцом вытянувшимся. Из всех сил вервие сонгаитянка тянула, оттого все ближе Оота к Плутону царству подбиралась. Ребенка шея вытянулась напряженно, глаза же выпученные закатились, и лишь лекаря помощь Срочная могла бы теперь смерть ее предотвратить, но вовсе не собирался Крулл порядок вещей Естественный менять, даже мысль не могла прийти такая, ибо не для того игрище затеяно было, Чтобы невредимыми из него выйти смогли участницы, столь в гильветов глазах незначительные. Внезапно Крулл могучий, ногами в песок упершись, со всей силы крюк на себя дернул, игрище чем Закончил, ибо столь сразу вервие натянулось, что нубийки голова от туловища оторвалась вмиг, А сонгаитянки кольцо серебряное из гениталий вырвалось, новым отверстием единым огромным Вагину и анус разрывая, при этом скользкие кишки ее толстые вслед за собой из нутра вытягивая. Ибо от Крулла толчка вновь вперед мясоносительница ничком упала, грудями в песок уткнувшись, И при падении внезапно этом внутренности чрез межножье разорванное сами выползть стали. На ноги тогда сонгаитянка встать попыталась, но полностью ей движение не удалось, лишь торс Приподнять сумела она, на руках и коленях в позе возбуждающей коитуса вожделения застыв. Из гильветов воин один поднял тогда с земли Ооты голову, петлей оторванную, и толчком одним Чрез открытую широко промежность разорванную сонгаитянки, на коленях стоящей, уткнувшись В песок головой, в живот ее втиснул, после чего кнута ударами по ягодицам мясоносительницу Вперед заставил ползти, за собой след разматывающихся внутренностей и кишок оставляя. Доползла сонгаитянка до кромки воды, но и тут варвар в покое ее не оставил, принуждая К движению дальнейшему в моря глубины. Но не была мясоносительница с детства плаванию Обучена, ибо в пустыне безводной жила, потому утонула быстро, лишь кишок змеей плывущей Место отмечая, где она и Ооты голова последний свой день в царстве живых закончили.

Глава XXIV, в которой рассказывается о бойне рабынь заключительной и Крулла размышлениях, повествование это завершающих

На телах двух подстилок своих, живых еще, Крулл стоял, в руке крюк держа с телом безголовым Ооты, только лишь умерщвленной, и удовлетворенно берег осматривал, отмечая, что не только

Успешным вполне на римлян лагерь временный налет этот получился, но за месяцев много Кровопролитие самое прекрасное произвел - солдат, моряков, и, главное, рабынь римских. Ибо сотнями тел мужских и женских - жертвами забав кровавых гильветов берег усыпан был. Считали римляне глупые, - про себя вождь усмехнулся, - что варвары все стрелки плохие, Так вот самонадеянности их глупой результат! Хоть римлян тела ухоженные сильные были, С мускулатурой рельефной, не смогли они гильветам сопротивления достойного оказать. Гильветы же сами оргией двухдневной пресыщены уже были, воздержание свое кровью утолив, Столь истощившись от игрищ жестоких, что пенисы у всех почти недвижно висели, ибо длинными Дни эти оказались, столь игрищами насыщенные, однако в день следующий гильветам предстояло Стоянку временную покинуть, потому начали уже некоторые к ночлегу спокойному готовиться. Все же, не в силах от плоти наслаждений отказаться, блуждали воины многие среди сотен рабынь, В живых еще оставшихся, поскольку в игрищах прошедших участие тех женщин планидой минуло. Гильветы же, хоть кобылиц выбор минул давно, всё же прекрасных самых невольниц еще хотели В стадо добавить, ибо жалко стало воинам некоторым неиспользованными многих оставить. Лучших из них пред взором Крулла проводили, дабы мог он выбор свой окончательный свершить. Более сотни рабынь самых чувственных выносливых ему показали, шанс последний им дав Живыми сегодня остаться, хоть в будущем ближайшем насилью групповому подвергаться Непрерывно, став, возможно, кобылицей полноправной для гильветов поголовья увеличения. Лишь дюжину невольниц вождь выбрал, всех ощупав внимательно, дабы уважение к воинам Предложению показать, и повелел рабынь отобранных к кобылиц стаду в загоне присовокупить. Несколько женщин и девочек оставшихся лениво изнасилованы были воинами теми, у коих пениса Силы еще остались, и скучно убиты после того, ибо фантазия тоже у гильветов всех истощилась. К концу неизбежному оргия подходила, что Крулл вождя взглядом отметил, и сыграть приказал Аккорд заключительный, каждый раз в тех случаях исполняемый, когда в завершение рабынь Много неиспользованных остается. Для того гильветы большими луками римскими изогнутыми Вооружились, и, в толпу согнав сотни невольниц, нетронутых еще, со всех сторон их окружили. Каждый воин под левую руку колчан с длинными стрелами сдвинул и, по Крулла сигналу небо От сотен стрел смертельных затмилось, в кучу визжащую рабынь прекрасных падающих, Ибо стрела каждая почти цель свою находила в толпе сжатой столь плотно, что невольницы, Погибшие уже, на песок упасть не могли, и стоя среди живых еще подруг своих замирали. Причем столь сильны удары стрел этих были, и столь остры, что насквозь женщин пронизывали; Одной из них, в первом ряду стоящей, в грудь стрела попала, и, через тело всё пройдя, Оперением лишь в соске темно-красном застряла, украшение диковинное собой напоминая, Из спины же ее более чем на локоть липкой вышла она, в следующую рабыню вонзившись. Еще уязвимей уколам свирепым девочки маленькие были, ибо тело по возрасту тоньше имели, Видно то стало, когда ряды первые женщин взрослых упали, дети же ударам открылись Не только стрел, сверху падающих, но и горизонтально летящих, еще смертельных более. Девочке одной в ягодицу детскую стрела вошла, вышла же из груди, лишь чуть соска ниже. Другой ребенок, рядом стоящий, в бедро поражен был, острие же из ноги другой показалось. Каждый выстрел воинов умелых цель поражал, а нагие женщины кричащие мишенями были Весьма полезными для стрелков тренировки, ибо от смерти летящей уклониться пытаясь, Мясом являлись подпрыгивающим, кое под углами различными поражать приходилось. Грудь же их, в прыжках болтающиеся, еще интересней зрелище делали, заодно гильветов Возбуждая немало - пенисы их эрегировать заставляя, самих же стрелков побуждая не в тело В местах любых попадать, а лишь в гениталии, временами открывающиеся, либо в соски, Меткость свою друг пред другом демонстрируя, и мишень выбранную сообщая заранее. Лишь тогда Крулл к стрельбы окончанию сигнал подал, когда ни одной на ногах стоящей Не осталось рабыни, лежащие же все или бездыханны были, или в корчах предсмертных Извивались; понятно стало, что женщины стонущие не позже, чем пред солнца восходом Мучительным ходом медленным все до одной в Плутон царство подземное отправятся. По причине этой перешли гильветы в бухты дальний конец, кровью и телами смердящими Не оскверненный, рабынь всех погибших и умирающих гиенам и стервятникам оставляя, Ибо отдохнуть и выспаться ночью наступающей пред походом дальним воинам надлежало, Днем же предстоящим на привалах рабыни, в кобылицы отобранные, к услугам их будут. Ибо циклична жизнь, и новое детей варваров пополнение должны кобылицы эти принести, Для чего в месяцы ближайшие рабыня отобранная каждая обслужить должна многократно Каждый гильветов пенис из двухсот почти, эякулировать способный, и горе кобылице той, Что недовольство воина любого сопротивлением или действиями своими неумелыми вызовет! Для племени же гильветов всего, - Крулл размышлял, на трупы в покинутом берега конце глядя, Всегда новые римские лагеря, сопротивляться не умеющие, и деревни беззащитные есть, Где грабить безнаказанно можно, жителей для увеселения своего в игрищах кровавых вырезая, А с солдатами самонадеянными сражаясь, навык воинский варварам подрастающим передавать. Женщин же и детей любых, в деревнях этих обитающих, либо в воинских лагерях находящихся, Всегда пленить можно, дабы изнасилования жестокого после в мясо бездыханное превратить. Жизнь гильветов всегда новыми приключениями должна быть полна, и если где-нибудь кровь женская По жилам течет, гильветов племя, Круллом возглавляемое, всегда эту кровь пролить обязано.